PG
3320
A1N3

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

НАСТОЯЩІЙ

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДНЯХЪ ИЛИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЛУЖАЩАЯ

продолженіемъ Комедіи: РЕВИЗОРЪ,

СОЧИНЕННОЙ

Г. ГОГОЛЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Настоящій ревизоръ

НАСТОЯЩІЙ

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДНЯХЪ ИЛИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЛУЖАЩАЯ

продолженіемъ Комедіи: Ревизоръ, *сочиненной*

Г. ГОГОЛЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ХРИСТІАНА ГИНЦЕ.

1836.

PG 3320
.A1 N3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

СПб., Іюня 22 дня, 1836 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

Городничій, постарѣвшій на службѣ и очень неглупый человѣкъ; взяточникъ; довольно серьозенъ; резонёръ. Черты лица его грубы и жестки; переходъ отъ страха къ радости и обратно довольно быстръ. Онъ одѣтъ въ мундирѣ съ петлицами и ботфортахъ со шпорами. Волосы на немъ стриженные съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціяльная кокетка, еще не пожилыхъ лѣтъ, довольно глупая; занимается романами, нѣсколько хозяйствомъ, а всего болѣе туалетомъ; очень любопытна и тщеславна; беретъ иногда верхъ надъ мужемъ.

Марья Антоновна, дочь ея, милая, чувствительная дѣвица; плохо воспитанная; также, какъ мать, занимается туалетомъ; немного умнѣе ея.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 23,

тоненькой, худенькой, глуповатый, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ Канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими; говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Мотъ, вертопрахъ, волокитъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга его, пожилыхъ лѣтъ; говоритъ серіозно, резонёръ и любитъ себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти равенъ; въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ онъ суровое, отрывистое и даже грубое выраженіе. Онъ хитрый плутъ. Костюмъ его сѣрый или синій поношеный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе и коротенькіе, очень любопытные и чрезвычайно похожіе другъ на друга. Оба съ небольшими брюшками. Оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ разговору жестами. Добчинскій не много серьознѣе Бобчинскаго; а Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго. — Оба въ сѣрыхъ фракахъ и желтыхъ нанковыхъ панталонахъ. Сапоги съ кисточками. На балѣ: Добчинскій въ широкомъ фракѣ бутылочнаго цвѣта; Бобчинскій въ прежнемъ гарнизонномъ мундирѣ.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья, вольнодумецъ, охотникъ до догадокъ, остороженъ въ разговорахъ и старается ко всѣмъ случаямъ подводить законы. Представляющій его долженъ постоянно сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Съ начальниками Судья низкопоклончивъ.

Земляника, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ; взяточникъ; услужливъ, суетливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзокъ до крайности. Между чиновниками и знакомыми принимаетъ онъ видъ неустрашимаго; а на дѣлѣ, трусъ. Костюмъ его: довольно широкой фракъ; а въ послѣднемъ дѣйствіи узкой губернской мундиръ съ короткими рукавами и огромнымъ воротникомъ, почти захватывающимъ уши.

Почтмейстеръ, простодушный, но весьма дерзкій человѣкъ. Одѣтъ въ старомъ мундирѣ почтоваго вѣдомства, который отъ носки ему уже коротокъ.

Хлоповъ, Смотритель Училищъ, ума очень ограниченнаго, старается казаться ученымъ и владѣть разговоромъ. Костюмъ его, не-

много странный, зависитъ отъ произвола актера.

Уѣздный Лѣкарь, Нѣмецъ, весьма глупый человѣкъ. говоритъ по русски нѣмецкимъ нарѣчіемъ. Костюмъ его: черный фракъ, черные коротенькіе панталоны, черные шелковые чулки и башмаки съ пряжками. Причесанъ и напудренъ по старинному, съ косою; изъ рукавовъ фрака высовываются бѣлые манжеты.

Проводовъ, скрывающійся подъ именемъ **Рулева**, красивый мужчина, лѣтъ 32 ;солидный, умный, благородный; говоритъ ясно и плавно; съ женщинами шутливъ и веселъ; съ мужчинами серьозенъ; изрѣдка принимаетъ тонъ ироническій. Одѣтъ очень чисто и хорошо, во фракѣ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій.

Гости, являющіеся въ послѣднемъ дѣйствіи, должны быть разнохарактерные и костюмированы различно, въ каррикатурномъ видѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, Городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, Смотритель Училищъ. Жена его.

Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Судья.

Артемій Филиппповичъ Земленика, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній.

Иванъ Козьмичъ Шпекинъ, Почтмейстеръ.

Христіянъ Ивановичъ Гибнеръ, Уѣздный Лѣкарь.

Петръ Ивановичъ Добчинскій, } Городскіе
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, } помѣщики.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Алексѣй Петровичъ Проводовъ, Ревизоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ,

скрывающійся подъ именемъ **Рулева**, Солянаго Пристава.

Секретарь его.

Абдулинъ, купецъ.

Мишка, слуга Городничаго.

Частный Приставъ, Квартальные, гости, гостьи.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

ДЕНЬ 1й.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ГОРОДНИЧАГО.

ЯВЛЕНІЕ 1е.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

(Марья Антоновна сидитъ на стулѣ у окна и читаетъ книгу; Анна Андреевна стоитъ передъ большимъ зеркаломъ и поправляетъ свое платье и прическу.)

Анна Андреевна.

Что ты, Маша, пригорюнилась? — То-то; не кокетствовать бы съ подложнымъ Ревизоромъ.« Милашка, милашка!» кричала ты объ немъ; вотъ тебѣ и милашка! Посватался, а потомъ наплевалъ. Проклятое кокетство! »Надѣну голубое платье, зеленое платье!» а все это для кого? Обрадовалась Петербургскому мальчишкѣ! Какъ будто въ Петербургѣ нѣтъ также дураковъ, вертопраховъ!

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вы меня всегда браните; а я право въ этомъ нисколько не виновата. Онъ посватался, вы и папенька благословили, а моего согласія никто не спрашивалъ.

Анна Андреевна.

Глупенькая спорщица! да развѣ я не застала его у твоихъ ногъ?

Марья Антоновна.

Вольно же ему! И не такъ бы еще долженъ онъ валяться у моихъ ногъ. Вѣдь онъ поцѣловалъ меня въ шею.

Анна Андреевна

Ахъ онъ негодяй! И ты позволила?. . .

Марья Антоновна.

Я разбранила его, маменька.

Анна Андреевна.

Этого недовольно, сударыня. Ты должна была ему дать пощечину, закричать, кликнуть меня, отца, Полицейскихъ, слугъ, весь домъ сбударажить! Ты, чай, даже и въ обморокъ не упала?

Марья Антоновна.

Нѣтъ, маменька, не упала. Я думаю, что если-бы упала, то хуже было бы. . . . Онъ такой дерзкой.!

Анна Андреевна.

Дура, пошлая ты дура! Мужчина цѣлуетъ — да еще ктожъ! Обманщикъ, самозванецъ, фальшивый ревизоръ, какой-нибудь регистраторъ! — а ты и въ усъ себѣ не дуешь!... Прошу, чтобы впередъ этого никогда не было, сударыня! Въ обморокъ, и всегда въ обморокъ, слышите ли?

Марья Антоновна.

Слышу, маменька! . . . . Только впередъ этого и не случится; потому что я хочу.... (Съ застѣнчивостію подходитъ) хочу васъ просить, маменька, . . . объ одномъ. . . . очень важномъ дѣлѣ. . . . .

Анна Андреевна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я знаю о чемъ ты хочешь просить. Знаю; чтобы я отдала тебѣ палевую мою кацавейку? Я сказала уже, что не отдамъ, и никогда не отдамъ.

Марья Антоновна.

Нисколько, нисколько. Совсѣмъ о другомъ. Вотъ видите, маменька: я теперь просватанная и оплеванная невѣста, какъ вы сами говорите. Никто теперь не захочетъ на мнѣ жениться и я останусь въ дѣвкахъ. А ничего нѣтъ гнуснѣе старой дѣвки, какъ вы сами говорите. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ сюда не возвратится; а еслибы и возвратился, то я уже не хочу быть его женою. Онъ дрянной мальчишка, подложный ревизоръ, регистраторъ, какъ вы сами говорите. Притомъ же, онъ больше вами занимался, нежели мною; больше на васъ поглядывалъ, нежели на меня, какъ вы сами говорите. . . .

Анна Андреевна.

Несносная! Кончишь ли ты свои бредни? Говори скорѣе, что тебѣ надобно?

Марья Антоновна.

Вы знаете, маменька, что Алексѣй Петровичъ Рулевъ мнѣ нравится и что онъ меня очень любитъ. Позвольте мнѣ выйти за него.

Анна Андреевна.

Вотъ новость! За Рулева, за Солянаго

Пристава, чиновничка по Соляной части! Ты съ ума сошла. Прекрасно мнѣ будетъ сказать, если спросятъ: за кѣмъ ваша дочь, Анна Андре евна? За чиновникомъ по Соляной части. Да меня осмѣютъ, заѣдятъ здѣсь. Знаешь ли ты что такое дочь Городничаго? Батюшка твой есть начальникъ цѣлаго здѣшняго города; жена его начальница; а дочь.... почти тоже, совершенно тоже. И чѣмъ Рулевъ лучше Хлестакова?

Марья Антоновна.

Какое сравненіе, маменька? Рулевъ честный человѣкъ, не обманщикъ; любитъ меня истинно.... ужъ какъ любитъ!....

Анна Андреевна.

Все вздоры, романы у тебя въ головѣ. Рулевъ любитъ! ну, умѣетъ ли онъ любить? И что за человѣкъ! черноглазый, бѣлокурый. Терпѣть не могу бѣлокурыхъ! (Въ сторону) Боже мой! Какъ у меня косынка смята! — (Къ Марьѣ Антоновнѣ) Рулевъ любитъ!.... — Машенька, поправь же косынку; пришпиль ее булавкою. — Я не хочу знать твоего Рулева, слышишь-ли? Проси объ этомъ

Антона Антоновича. Мнѣ нѣкогда заниматься такими пустяками. Время ли теперь думать о свадьбахъ, когда Ревизоръ потребовалъ Антона Антоновича къ себѣ и теперь его бранитъ, ругаетъ, распекаетъ, можетъ-быть отдаетъ подъ судъ, ссылаетъ въ Сибирь.... (плачетъ)

Марья Антоновна (плачетъ)

Ахъ, маменька, какъ все это ужасно!... За чѣмъ папенька бралъ взятки!....

Анна Андреевна.

Дура! За чѣмъ бралъ! Развѣ можно не брать? — Что такое? (показываетъ на носовой платокъ) Ты мнѣ дала платокъ съ незабудками, а я просила другой? Вотъ! и этого не съумѣла; а еще хочешь за мужъ.

Марья Антоновна.

Виновата! маменька. Хочу, очень хочу. (Взглядываетъ въ окно) Но вотъ и папенька идетъ, слава Богу!

Анна Андреевна.

Идетъ, идетъ? гдѣ? А! — точно; онъ! Экъ наморщился бѣдняжка, видно плохо

было. (Говоритъ въ окно) Антоша, Антоша! что! хорошъ Ревизоръ? Лучше Ивана Александровича? А? сердитъ онъ, очень сердитъ? Ступай, ступай къ намъ, скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ 2е.

Тѣже, Городничій.

Городничій.

Ухъ! мочи нѣтъ! — воды, воды, ради Бога, воды.

Анна Андреевна.

Машенька, скорѣе воды! Боже мой, какъ онъ усталъ! Такъ потъ съ лица и льетъ. Мишка, скорѣе воды; eau de Cologne. — Антоша, не помочить ли тебѣ виски, голову? (Марья Антоновна и Мишка приносятъ воды и стклянку духовъ.)

Городничій.

Да, матушка, да! Лейте вотъ сюда (показываетъ на голову), на темя.

Анна Андреевна.

Что же, Антоша, разскажи, развѣ онъ такой грозный?

Городничій.

Сей часъ, матушка, сейчасъ, дай вздохнуть. Фу пропасть! Какъ онъ меня озадачилъ! По первому приему видно, что настоящій ревизоръ.

Анна Андреевна.

Ну, ужъ вѣрно бѣлокурый. — Что жъ онъ? Полковникъ, Генералъ или Ассессоръ? А?

Городничій.

Не знаю, матушка, не знаю; только долженъ быть престрашный.

Анна Андреевна.

Какъ! развѣ ты его не видалъ?

Городничій.

Не видалъ, не видалъ. Да все равно, хуже чѣмъ видѣлъ . . . Вошелъ я въ переднюю ни живъ, ни мертвъ; тамъ сидятъ два жандарма. Дальше, въ залѣ, Секретарь, славно одѣтый, во фракѣ изъ тонкаго сукна, англійскаго, лучше моего; въ петлицѣ кавалерія. «Г. Проводовъ болѣнъ, въ постели, сказалъ онъ мнѣ, и не можетъ васъ принять; а поручилъ мнѣ вамъ доложить, что онъ все знаетъ, все, до

послѣдней запятой! » Потомъ и пошелъ, и пошелъ: какъ мы приняли Хлестакова за ревизора, какъ честили его, давали ему деньги, какъ беремъ взятки, какъ Почтмейстеръ сдѣлалъ уголовное преступленіе распечатавъ посланное на почту письмо. Я блѣднѣлъ, краснѣлъ, дрожалъ, и не знаю, какъ не упалъ въ обморокъ. Наконецъ, « Его Превосходительству угодно, сказалъ онъ, чтобы вы представили ему не позже завтрашняго дня подробнѣйшее донесеніе о всемъ происходившемъ съ Г. Хлестаковымъ, о его съ вами поступкахъ, о томъ что было имъ и вами сказано, писано, сдѣлано; и это донесеніе подписать всѣмъ чиновникамъ, бывшимъ съ нимъ въ сношеніи; ибо, прибавилъ онъ, сія ошибка есть важное преступленіе, злоупотребленіе власти, подлогъ . . . . » Я стоялъ какъ вкопанный, и не тронулся бы съ мѣста до преставленія свѣта, если бы онъ не сказалъ: « ну теперь подите, прощайте до завтра; поняли ли вы приказаніе Его Превосходительства? » « Понялъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ я, понялъ » — и не знаю какъ вылѣзъ оттуда. Словно парился въ душной банѣ. — На бѣду еще, чортъ меня дер-

нулъ спросить у жандармовъ не нужно ли Его Превосходительству чего-нибудь? Я де готовъ служить всѣмъ что имѣю. Жандармъ пошелъ доложить объ этомъ Секретарю, а онъ выбѣжалъ съ бѣшенствомъ въ переднюю, какъ дикой звѣрь, и давай меня распекать: «Не совѣтую вамъ, Г. Городничій, дѣлать такихъ предложеній нашему Начальнику. Онъ не Хлестаковъ и ни чьихъ услугъ не приметъ. Нуждаться ни въ чемъ онъ не можетъ; ибо онъ богаче всѣхъ вашихъ чиновниковъ, сколько бы ихъ ни было. Здѣсь повидимому вошло въ обыкновеніе приносить; а у насъ въ Петербургѣ, за такія добровольныя приношенія выгоняютъ изъ службы.» Я бросился опрометью бѣжать съ лѣстницы, въ испугѣ своемъ попалъ на заднее крыльцо и вотъ, отправился сюда пѣшкомъ и безъ шинели. Фу, какъ усталъ!

Анна Андреевна.

Бѣдный Антоша! ну теперь посиди, отдохни. — То-то же, душа моя, не говорила ли я тебѣ: не бери взятокъ, перестань браниться съ купцами и драть съ нихъ все что ни попало? Что за чай, сахары, вина, сукна?

Городничій.

Не бери! — Мастерица совѣтовать! а сама . . . Позвольте спросить, сударыня, откуда у васъ эта блондовая косынка, это шелковое платье? Откуда у васъ салопъ атласный съ черною лисицею; А?

Анна Андреевна.

Помилуй, душа моя, это тряпки, необходимость въ жизни. Развѣ можно жить безъ платья и безъ шубы? И что же стоютъ эти тряпки? Бездѣлицу, сущую бездѣлицу. — Нѣтъ; вотъ что насъ разоряетъ: обѣды, вечеринки, пирушки, твои карты, всѣ эти Бобчинскіе и Добчинскіе, которые объѣдаютъ насъ даромъ. За чѣмъ они намъ? ни Машенькѣ въ женихи, ни тебѣ въ помощь по службѣ, да и мнѣ ни на что не годятся. . . . Право, душа моя, будемъ жить честно, скромно, однимъ твоимъ жалованьемъ; хозяйство заведемъ на манеръ холостыхъ; кушанье готовить только на насъ двоихъ; а при насъ и Машенька будетъ всегда сыта. Впрочемъ, если бы пришелъ кто нибудь и посторонній, что же? Гдѣ трое обѣдаютъ, тутъ и четвертый наѣстся; а при четверыхъ и пятый. . . . .

(Городничій дѣлаетъ знаки нетерпѣнія и сердится) За что же ты сердишься, Антоша? Я тебѣ вѣдь добра желаю. — Вотъ, пожалуй, такъ и быть; — я откажусь и отъ тряпокъ. Много ли человѣку надобно! Лишь было бы мнѣ только четыре вещи: шляпка, напримѣръ пуховая сѣренькая, съ такими же перьями. Потомъ, салопъ атласный моднаго цвѣта, напримѣръ мовъ, подбитый желтою тафтою съ пунцовымъ бархатнымъ воротникомъ, бахрамою и кистями. Нынче любятъ пестроту.—Къ этому, чепчикъ блондовый; да, Антоша, блондовый съ цвѣтами, непремѣнно съ цвѣтами, бархатными и креповыми, зимними и лѣтними, чтобы надѣвать смотря по сезону; а въ будень я обойдусь и безъ чепчика, для экономіи. Все зависитъ отъ вкуса въ прическѣ и уборкѣ; вотъ напримѣръ, къ косѣ пришпилить три или четыре бантика разноцвѣтныхъ, по ярче, пунцовыхъ, желтыхъ или оранжевыхъ. — Наконецъ платье одно, балъное тюлевое; а другое вседневное матерчатое, изъ чего хочешь, грогросовое, или сатентюрковое, или гродоріеновое, или гроденаплевое, или даже тафтяное, только не изъ Московской тафты; пожалоста, Антоша, не изъ Московской. . . .

Городничій.

Ахъ, какъ ты мнѣ надоѣла! Съ твоей чепухою и дѣла позабудешь. Гей, гей, Мишка!

ЯВЛЕНІЕ 3е.

Тѣже и Мишка.

Городничій.

Послушай, Мишка, ступай скорѣе ко всѣмъ чиновникамъ здѣшняго города: къ Смотрителю Училищъ, къ Судьѣ, къ Попечителю Богоугодныхъ Заведеній, къ Уѣздному Лѣкарю, словомъ сказать ко всѣмъ, и повѣсти имъ, чтобы они сей часъ же ко мнѣ пожаловали, да не на чай, ни на обѣдъ, ни на бостонъ, а по дѣламъ службы, для совѣщанія о важномъ обстоятельствѣ, слышишь ли? Такъ и скажи: непремѣнно! Его Превосходительство, настоящій ревизоръ, сего требуетъ.... Слышишь? Его Превосходительство!...

Мишка.

А за Почтмейстеромъ прикажете ли зайти?

Городничій.

За Почтмейстеромъ? Въ самомъ дѣлѣ! Я

и забылъ его . . . Нѣтъ; за чѣмъ онъ намъ? Съ нимъ и совѣщаться не о чемъ. Пропащій человѣкъ, бѣдный Почтмейстеръ! Ему не усидѣть на своемъ мѣстѣ . . . . (обращаясь къ Мишкѣ) Не нужно его.

(Мишка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4е.

Тѣже, исключая Мишки.

Городничій.

Да! . . . . Я еще не все досказалъ вамъ. Едва прошелъ я нѣсколько шаговъ отъ гостинницы, гдѣ остановился Превосходительный, какъ присталъ ко мнѣ Алексѣй Петровичъ Рулевъ. Отдай я за него Марью Антодовну. Отдай! да и только. Не отстаетъ безъ того. « Милостивый государь, сказалъ я ему, нѣтъ еще мѣсяца какъ вы съ нами познакомились; я не знаю годитесь ли вы въ мужья моей дочери. » — « Это не ваше дѣло, отвѣчалъ онъ; она сама лучше васъ знаетъ, гожусь ли, или не гожусь. Я ее обожаю и она меня любитъ. Я не богатъ, однакоже имѣю больше, нежели вы, если не считать грѣшныхъ вашихъ доходцевъ. Жалованья

получаю полторы тысячи въ годъ; да отъ частныхъ людей, коихъ имѣніемъ управляю, до четырехъ тысячъ. Этого съ насъ и довольно будетъ. Заживемъ гдѣ нибудь въ провинціи славно, привольно; пожалуй и васъ пригласимъ. Приданаго мнѣ никакого не нужно, слышите ли? никакого; я прошу у васъ только руки Марьи Антоновны: больше ничего. Притомъ же, вы сами знаете, Антонъ Антоновичъ, что теперь вамъ приходится плохо; взятками вы сами себя погубили больше, нежели ревизоръ; Полиціи извѣстно сколько вы съ кого берете, до послѣдней полушки. Трудно будетъ вамъ выпутаться; а я въ этихъ дѣлахъ свѣдущъ; мастеръ писать; всю жизнь свою купаюсь въ чернилахъ; можетъ-быть и помогу вамъ. У меня есть кое-какіе пріятели въ Петербургѣ; не Министры какъ говорилъ Хлестаковъ, а черненькіе чиновнички, такъ называемые канцелярскіе крючки, отъ которыхъ много ходъ дѣла зависитъ. Ваша дочь будетъ со мною счастлива; я всѣми силами постараюсь объ этомъ; и клянусь, что вы сами полюбите меня какъ любовницу.» — «Фу пропасть, сказалъ я, если такъ, чего добраго, пусть

будетъ по твоему, бери Марью Антоновну, бери; но прежде пойдемъ къ Аннѣ Андреевнѣ; я безъ нея ни на шагъ, особенно въ такомъ мудреномъ дѣлѣ.» И вотъ мой Рулевъ запрыгалъ отъ радости и обѣщался прійти сюда вслѣдъ за мною.

Марья Антоновна.

Маменька, добрая маменька, согласитесь сдѣлать меня счастливою.

Анна Андреевна.

Ну, если Антонъ Антоновичъ согласенъ, то и я не прочь. Однакоже надобно прежде переговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ.

Городничій.

Да вотъ онъ и идетъ. Легокъ на поминѣ!

ЯВЛЕНІЕ 5с.

Тѣже и Алексѣй Петровичъ Рулевъ.

Рулевъ.

Причина моего посѣщенія вѣроятно уже вамъ извѣстна, Анна Андреевна; вашъ супругъ согласился отдать мнѣ Марью Антоновну....

Анна Андреевна.

И я бы согласилась, еслибы не разныя обстоятельства. . . . Во первыхъ, мы бѣдные люди; приданаго никакого дать не можемъ.

Рулевъ.

Развѣ Антонъ Антоновичъ не сказалъ вамъ, что я не требую приданаго?

Анна Андреевна.

Во вторыхъ, Машенька уже помолвлена, и хотя женихъ ея, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, уѣхалъ; но эта исторія еще не объяснилась и прежде какого —нибудь рѣшенія нашей участи со стороны новаго Ревизора, мы ничего обѣщать вамъ не можемъ. . . .

Рулевъ.

Извините меня, сударыня. Исторія, о которой вы говорите, очень хорошо объяснилась. Я сейчасъ ходилъ на почту за страховымъ письмомъ, въ которомъ мнѣ во всей подробности описываютъ возвращеніе Г. Хлестакова въ столицу. Петербургскій корреспондентъ мой служитъ у Министра и потому достоинъ вѣры. Вотъ что онъ пишетъ: еще до приѣз-

да Хлестакова въ Петербургъ, весь анекдотъ о пребываніи его въ здѣшнемъ городѣ былъ доведенъ до свѣденія Министра. Вся Канцелярія, зная обстоятельства сего дѣла, нетерпѣливо ожидала героя этого двухдневнаго романа. Вскорѣ и публика обо всемъ провѣдала. Начали съ хохотомъ разсказывать эту исторію вездѣ, на улицахъ, на биржѣ, въ собраніяхъ, даже въ мелочныхъ лавкахъ, называя здѣшнихъ чиновниковъ поименно. Этого недовольно: одинъ извѣстный авторъ написалъ новую комедію, прекрасную, въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: ***Ревизоръ***, которая такъ понравилась публикѣ, что ее и до сихъ поръ играютъ въ театрѣ почти черезъ день. Всѣ дѣйствующія лица въ ней представляютъ вѣрнѣйшіе сколки съ здѣшнихъ чиновниковъ и жителей, не исключая и васъ, Антонъ Антоновичъ, Анны Андреевны и Маріи Антоновны. Подражаніе истинѣ въ этой піесѣ до такой степени вѣрно, благодаря искусному перу сочинителя, что нѣкоторыя рѣчи наполнены грамматическими ошибками; ибо, признайтесь, Антонъ Антоновичъ, вы здѣсь не богаты грамотѣями; ни

Судья, ни даже вы сами, грамматики во снѣ не видали . . . .

Городничій.

Правда, Алексѣй Петровичъ, совершенная правда. Гдѣ же намъ . . . .

Анна Андреевна.

Ахъ, Антоша, не перебивай Алексѣя Петровича.

Рулевъ.

Между тѣмъ и Хлестаковъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Министръ его призвалъ къ себѣ и сильно журилъ. »Ошибка жителей не можетъ послужить вамъ извиненіемъ, сказалъ онъ Ивану Александровичу. Если вы въ самомъ дѣлѣ приняли на себя ролю ревизора; то вы самозванецъ. Если вы воспользовались простодушіемъ этихъ чудаковъ, для какой нибудь шалости; то вы недостойны служить подъ моимъ начальствомъ и я васъ выгоню изъ службы. Если же вы сами не догадались за кого они васъ принимали; по зачѣмъ же вы брали съ нихъ деньги?» Нашъ молодой человѣкъ прибѣгнулъ къ разнымъ пустымъ

отговоркамъ; но ихъ не послушали. Кончилось тѣмъ, что Министръ предписалъ давно уже проживающему инкогнито въ вашемъ губернскомъ городѣ Ревизору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Алексѣю Петровичу Проводову, чтобы онъ переѣхалъ сюда также инкогнито и произвелъ строгое слѣдствіе. А для успѣшнѣйшаго хода сего дѣла и для наказанія Хлестакова, велѣлъ командировать его на собственный его счетъ къ Ревизору, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ первый виновникъ, содѣйствовалъ лично и на мѣстѣ въ розысканіяхъ Его Превосходительства.—Г. Проводовъ дѣйствительно болѣе мѣсяца жилъ здѣсь подъ чужимъ именемъ и, какъ видно изъ донесеній его Министру, не только попалъ на слѣды виновныхъ, но собралъ уже и справки. А Хлестаковъ долженъ былъ на дняхъ отправиться сюда изъ Петербурга. Вотъ вамъ самыя свѣжія новости; и потому я надѣюсь, Анна Андреевна, ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣже, Смотритель Училищъ Лука Лукичъ Хлоповъ, Судья Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, Попечитель Богоугодныхъ Заведеній Артемій Филипповичъ Земляника, Уѣздный Лѣкарь Христіянъ Ивановичъ Гибперъ. (Ужесъ и любопытство изображаются на всѣхъ лицахъ. Анна Андреевна садится въ сторону читать книгу; Марья Антоновна беретъ пяльцы и садится возлѣ матери; Рулевъ садится возлѣ Марьи Антоновны.)

Городничій (съ важностію.)

Господа! Я призвалъ васъ для совѣщанія о важномъ дѣлѣ. Его Превосходительство....

Хлоповъ.

Знаемъ, знаемъ. Не трудитесь ораторствовать. Вашъ Мишка все разсказалъ.

Судья.

Новый Ревизоръ требуетъ подробнаго донесенія. Ну что же? Давайте писать. За этимъ дѣло не станетъ. Не впервые намъ отписываться. На томъ стоимъ.

Земляника.

И разумѣется. Вотъ нашелъ онъ чѣмъ удивить!

Лѣкарь. (Нѣмецкимъ нарѣчіемъ)

Кто же будетъ писать?

Судья.

Взять перо въ руки и намарать двѣ страницы, не мудрено, это послѣднее дѣло. Прежде всего надобно рѣшить что писать.

Хлоповъ.

Безъ сомнѣнія; прежде всего предположить тему.

Городничій.

Какую тему?

Судья.

По моему мнѣнію, предстоящее дѣло заключаетъ въ себѣ два основные вопроса: кто первый разгласилъ, что Хлестаковъ ревизоръ? И сколько кто далъ ему денегъ?

Лѣкарь.

Прекрасно, Аммосъ Федоровичъ, прекрасно. Ужъ видно, что Судья.

Городничій.

Начнемъ же съ перваго вопроса. Кто первый вынесъ, что Хлестаковъ ревизоръ?

Хлоповъ.

Этотъ вопросъ давно рѣшенъ. Разумѣется, Бобчинскій и Добчинскій.

Земляника.

Да они ли? А какъ не они, такъ вѣдь съ ними придется не добромъ раздѣлаться.

Судья.

Экая оказія! ну и раздѣлаемся. Благо, что теперь ихъ нѣтъ здѣсь, нѣкому намъ противурѣчить. Антонъ Антоновичъ не пуститъ ихъ сюда. А чрезъ часъ, когда рапортъ будетъ уже подписанъ и отосланъ; тогда пусть жалуются. Кто послушаетъ такихъ олуховъ! — Притомъ же они люди свободные, не служащіе, ничего не рискуютъ. «За чѣмъ вы разгласили ложныя вѣсти о Хлестаковѣ?» спросятъ ихъ. Они скажутъ: «мы сами ошиблись.» А еще прижмутъ ихъ немножко; такъ они скажутъ: « виноваты, мы дураки » И этимъ судъ кончится; надъ дураками нѣтъ суда.

Городничій.

Хорошо, Аммосъ Федоровичъ; но это намъ не можетъ служить оправданіемъ. Добчинскій

и Бобчинскій пусть дураки и разгласили вздоръ. Но мы зачѣмъ же повѣрили имъ? Вѣдь намъ, чиновникамъ, не ловко сознаться въ формальной бумагѣ, что мы также дураки.

Судья. (съ важностію)

Понимаю . . . . понимаю . . . . (въ сторону) Самъ на себя плететъ! (Городничему) То есть, вы хотите сказать, что по этому дѣлу возникаетъ еще третій вопросъ: кто первый повѣрилъ ложнымъ вѣстямъ? — Ну давайте, господа, пріймемся за этотъ вопросъ: говоритежъ кто изъ васъ первый повѣрилъ?

Городничій.

Вѣстимо Артемій Филипповичъ; онъ первый принялъ Хлестакова, показывалъ ему Богоугодныя Заведенія и накормилъ его славнымъ завтракомъ.

Земляника.

Избавьте меня отъ этого нареканія. Я это сдѣлалъ по вашему приказанію.

Городничій.

Я вамъ не могу приказывать; вы не состоите подъ моею командою.

Земляника.

Не вы ли же ко мнѣ прислали Христіяна Ивановича сказать, чтобы все было готово къ пріему ревизора?

Городничій.

Вы съ ума сошли, Артемій Филипповичъ. Я два мѣсяца уже какъ не видалъ Христіяна Ивановича; и вообще я стараюсь лѣкарей видѣть какъ можно рѣже; ибо свиданіе съ ними, какъ крикъ ворона на колоколѣнѣ. почитаю худымъ предзнаменованіемъ.

Лѣкарь.

Правда, совершенная правда. Вотъ какъ это было: Бобчинскій, подслушивая въ дверяхъ той комнаты, которую Хлестаковъ занималъ въ гостинницѣ, сорвался вмѣстѣ съ дверью, упалъ и сдѣлалъ себѣ на носу нашлепку. Потомъ прибѣжалъ ко мнѣ и, разсказавъ какъ ревизоръ принялъ Антона Антоновича и какъ онъ собирается ѣхать осматривать Богоугодныя Заведенія, просилъ по скорѣе залѣчить ему носъ. Я едва успѣлъ положить ему пластырь на нашлепку, какъ и побѣжалъ предупредить Артемія Филиппо-

вича о неожиданномъ гостѣ; но его не засталъ дома; а переказалъ все это кухаркѣ, дабы она распорядилась закускою.

Судья (торжественно).

И такъ, господа, этотъ вопросъ рѣшенъ. Христіянъ Ивановичъ первый повѣриль Бобчинскому.

Лѣкарь.

Что вы! что вы! никогда я и не думалъ вѣрить. Я шелъ въ Богоугодныя Заведенія по своей должности; и хотѣлъ только, при сей вѣрной оказіи, разспросить Артемія Филипповича не навралъ-ли мнѣ Бобчинскій. Скорѣе же, Бобчинскій всему виноватъ.

Судья.

Виноватъ-то онъ, виноватъ, безъ сомнѣнія. Однако же не льзя въ отвѣтъ на всѣ вопросы, выставить Бобчинскаго и Добчинскаго. Это покажется подозрительнымъ.

Хлопосъ.

Лучше всего написать кухарку Артемія Филипповича.

Земленика.

Какъ! мою Дуняшку? За что же она пострадаетъ?

Судья.

Не пострадаетъ. Кто потянетъ кухарку въ судъ?

Городничій.

А если бы и пострадала; то есть, если бы ее высѣкли; все это лучше, чѣмъ кого-либо изъ насъ обвинить.

Земленика.

Такъ и быть. Пишите крѣпостную дѣвку Авдотью Панкратьеву Вотрушкину.

Судья.

Послѣдній вопросъ, господа! Кто сколько далъ Хлестакову денегъ? — О себѣ скажу вамъ откровенно, что я далъ 100 рублей.

Земленика.

Я далъ 300 рублей.

Судья.

Полно правда ли, Артемій Филипповичъ?

Земляника.

Честное слово!

Лѣкарь.

Я ничего не далъ и Хлестаковъ у меня ничего не просилъ.

Хлоповъ.

Я тоже не даваль денегъ.

Городничій.

Я далъ 800 рублей.

Судья.

Слѣдовательно и этотъ вопросъ рѣшенъ.

Хлоповъ.

Не думаю однакоже, чтобы въ рапортѣ достаточно было показать сколько кто далъ денегъ. Не спросятъ ли для чего, по какому поводу и на какое употребленіе?

Городничій.

Вы правы, Лука Лукичъ. Причина необходима. А потому я вамъ объявляю, господа, что я ссудилъ Хлестакова сказанною суммою по весьма естественной причинѣ: онъ былъ

женихомъ моей дочери, будущимъ моимъ зятемъ, и нуждался въ деньгахъ, я снабдилъ его: вотъ и все.

Судья.

А я далъ ему въ займы сто рублей, потому, что онъ просилъ ихъ у меня. Я воленъ ссужать знакомыхъ своихъ деньгами, сколько мнѣ угодно.

Хлоповъ.

А гдѣ росписка?

Судья.

Я повѣрилъ Хлестакову на честное слово. Кому какая до того нужда?

Хлоповъ.

Я полагаю, что это будетъ не ясно. Какъ думаете вы объ этомъ, Артемій Филипповичъ?

Земленика.

Что за извѣты, Г. Хлоповъ? Ужъ не вы ли насъ ревизуете вмѣсто Г. Проводова?

Хлоповъ.

Помилуйте, я хлопочу объ общей пользѣ.

Вѣдь надобно же обстоятельно написать донесеніе.

Городничій.

Конечно, конечно. Лука Лукичъ правъ; наше донесеніе должно быть написано общими силами; ибо велѣно его подписать всѣмъ безъ изъятія.

Судья (немного въ замѣшательствѣ).

Дѣло мудреное, господа. Надобно бы обдумать эту статью иначе. Нельзя ли умолчать о причинахъ?

Земленика.

Да и въ самомъ дѣлѣ. Кто спроситъ причины!

Судья.

А если спросятъ. Вѣдь надобно же на это приготовиться.

Земленика.

Вздоръ, пустой страхъ.

Городничій.

По моему, если отписываться, такъ ужъ хорошенько. Что за радость, если будутъ

требовать отъ насъ дополненій, которыя еще больше запутаютъ насъ. — Да вотъ попробуемъ спросить совѣта будущаго моего зятя. (Обращаясь къ Рулеву) Алексѣй Петровичъ, какъ вы объ этомъ судите? (Обращаясь къ присутствующимъ) Да, господа, я и забылъ представить вамъ новаго жениха моей дочери, Алексѣя Петровича Рулева, Солянаго Пристава; сего дня все кончено, почти помолвили. (Судья и Земленика гордо киваютъ головою, вмѣсто поклона. Хлоповъ кланяется; а Лѣкарь подходитъ къ Рулеву и подаетъ ему руку).

Лѣкарь.

Имѣю честь рекомендоваться.

Земленика.

Ахъ, Антонъ Антоновичъ, считаетесь вы умнымъ человѣкомъ, а какой промахъ даете! Въ то время, какъ мы всѣ въ горѣ, какъ присланъ сюда Ревизоръ, чтобы насъ осудить, такъ-сказать чтобы скрутить насъ въ три погибели, — вы заводите помолвки, свадьбы, пиршества. Ну прилично ли это? Добро, если бы эта партія была блистательная, какая-нибудь находка; а такую свадьбу вы всегда успѣли бы съиграть, и по отъѣздѣ Ревизора.

Рулевъ. (обращаясь къ Земленикѣ и не сходя со стула).

Милостивый государь! Ни свадьба, ни особа моя, не имѣютъ ничего общаго съ вашими гнусными дѣлами. И потому прошу васъ избавить меня отъ сужденій о моей свадьбѣ.

Земленика.

Важная особа, Соляной Приставъ!

Рулевъ.

Очень важная, особенно для васъ. Слышите ли? Очень важная. Пока вы тутъ сочиняете ложное донесеніе Ревизору, стараясь всячески покрыть ваши поступки хитросплетеніемъ; мнѣ стоитъ только написать отъ себя рапортъ въ пяти строчкахъ Его Превосходительству о томъ что знаю; и тогда вы иначе заговорите.

Земленика.

Вишь, какая выскочка! Г. Солян ой Приставъ, извольте писать хоть двадцать рапортовъ о томъ, что знаете и даже чего не знаете.

Рулевъ.

Нѣтъ, знаю, очень обстоятельно знаю. Не прикажете ли при всемъ этомъ обществѣ пристыдить васъ? . . .

Земленика.

Вы съ ума сошли. Пристыдить! вамъ, Соляному Приставу, меня пристыдить! . . . . Это дерзость, неимовѣрная дерзость! . . . . Прошу васъ объяснить, что вы знаете такого, что могло бы дать вамъ право меня стыдить? . . .

Рулевъ.

А напримѣръ то, что уже два мѣсяца, какъ въ лазаретѣ вашемъ дается больнымъ только по одному куску ржанаго хлѣба, а порціи остаются въ экономіи вашего кармана. А?

Земленика. (не много тише)

Сущая ложь, ей ей, сущая ложь!

Рулевъ.

А исторію мѣщанина Карпова, помните? А? Какъ вы, желая скрыть отъ ревизора истинное число больныхъ, увеличившееся

отъ худаго содержанія богадѣльни, велѣли перевезти на простыхъ роспускахъ двадцать человѣкъ въ грязную обывательскую избу и положили ихъ тамъ безъ кроватей и безъ постелей, на полъ, на солому? въ томъ числѣ и мѣщанина Карпова, страдавшаго горячкою, который отъ этого умеръ? Потомъ, чтобы замять это дѣло, чрезъ два часа послѣ его смерти, вы велѣли его похоронить и положить нагаго въ гробъ? Помните ли вы это, милостивый государь?

Земленика. (въ крайнемъ смущеніи)

Помилуйте, Алексѣй Петровичъ, пощадите мое добро имя. Съ Карповымъ этого никогда не было; вамъ ложно донесли.

Рулевъ.

Мнѣ не донесли; а я самъ своими глазами это видѣлъ и на свои деньги похоронилъ Карпова. Я далъ на это двадцать пять рублей вашему же Смотрителю.

Земленика.

Я право не виноватъ, Алексѣй Петровичъ; сдѣлайте милость, пощадите. У меня Смо-

тритель такой мошенникъ, что съ нимъ и сладить не льзя.

Рулевъ.

Стыдитесь марать своего подчиненнаго, который волею или неволею принужденъ быть сообщникомъ въ вашихъ жестокихъ поступкахъ!... Но впрочемъ, это не мое дѣло. Вы сами, своею дерзостью вынудили меня разсказать все, что я сказалъ; десятую часть того, что еще могъ бы сказать. Антонъ Антоновичъ просилъ моего совѣта и я охотно даю его; (обращаясь къ прочимъ) слѣдуйте или не слѣдуйте ему, какъ вамъ угодно. Буду говорить откровенно: обремененные взятками, вы какъ бы донесеніе свое ни написали, оно не только не спасетъ васъ, но послужитъ къ вашему обвиненію. Необходимо избѣгнуть, или по крайней мѣрѣ удалить представленіе сего рапорта. Постарайтесь подкупить Секретаря..

Городничій.

Что вы, Алексѣй Петровичъ! Къ нему и приступа нѣтъ.

Рулевъ.

Надобно попасть на его вкусъ. Я зналъ

такихъ взяточниковъ, которые сами ничего не брали; а жены ихъ принимали шерстяные чулки, даже пироги.

Судья.

Вотъ пришла мнѣ мысль, господа. Ужъ не ложный ли это опять Ревизоръ? Какое мы имѣемъ о немъ оффиціяльное извѣстіе? Не рискуемъ ли мы подать донесеніе самозванцу, который имъ воспользуется, чтобы посмѣяться надъ нами въ Петербургѣ, и тѣмъ самымъ погубитъ насъ въ глазахъ вышшаго Начальства?

Городничій.

Хорошо, Аммосъ Федоровичъ. А если онъ подлинно Ревизоръ; тогда что? Ослушаніе, малѣйшее даже сомнѣніе наше, будетъ вмѣнено въ уголовное преступленіе.

Земленика.

Нѣтъ, господа, лучше остаться при прежнемъ. Скропать кое-какъ рапортъ, да и подать его. Что будетъ, то будетъ.

Рулевъ.

Вотъ еще средство, господа! Многіе на-

чальники ничего не берутъ и слывутъ без-сребренниками; но за то любятъ, чтобы имъ давали праздники, вечеринки, обѣды, на коихъ они могли бы, какъ сами называютъ, покутить, то есть попить, поиграть въ карты, приволокнуться. Я не говорю, чтобы это было вѣрное средство склонить ихъ на свою сторону; однако же вы сами разсудите, какъ начальнику сердиться сего дня на такого человѣка, который вчера угощалъ его? Притомъ же вечеринка, напримѣръ, какъ-то сравниваетъ чины и состоянія. Кого вельможа не пустилъ бы къ себѣ въ переднюю, тотъ обращается съ нимъ за панебрата на балѣ, танцуя или играя вмѣстѣ съ нимъ въ карты. Для васъ, господа, этотъ способъ тѣмъ еще удобнѣе, что вы должны стремиться къ одной только цѣли: отсрочить представленіе рапорта. Съ другой стороны, Антонъ Антоновичъ имѣетъ весьма благовидный предлогъ къ балу; мою помолвку. Пусть онъ сего же дня попроситъ Ревизора быть нашимъ посаженымъ отцемъ. И тогда все дѣло уладится. Завтра пойдутъ свадебные визиты, послѣ завтра балъ, гдѣ Его Превосходительство будетъ играть первую ролю.

А въ эти два или три дня мало-ли что мы придумать можемъ! Да и самыя обстоятельства могутъ перемѣниться.

Всѣ въ голосъ.

Славно, прекрасно, превосходно!

Анна Андреевна. (съ радости бьетъ въ ладоши)

Безподобно! Наконецъ дожила я до оказіи надѣть мое кружевное платье! Антоша, помнишь ли это богатое платье, которое подарилъ намъ одинъ помѣщикъ за то, что ты принялъ отъ него въ рекруты какихъ-то пять человѣкъ косолапыхъ и кривобокихъ?

Марья Антоновна.

А я, маменька, какое платье надѣну?

Анна Андреевна.

Ты? Ужъ не намѣрена ли ты принимать и угощать Ревизора, вмѣсто меня?

Рулевъ.

Марья Антоновна, оставьте это попеченіе маменькѣ. Анна Андреевна должна въ этотъ день употребить всѣ способы нравиться. Антонъ Антоновичъ позволитъ ей даже пококетствовать съ Его Превосходительствомъ.

Городничій.

Помилуйте, за честь почту....

Анна Андреевна.

Дуракъ!

Марья Антоновна.

Какое же я надѣну платье, маменька?

Анна Андреевна.

Ты должна заниматься теперь не платьемъ, сударыня, а однимъ только Алексѣемъ Петровичемъ.

Рулевъ.

Это не возможно, Анна Андреевна; потому, что я не буду на балѣ.

Всѣ въ голосъ.

Какъ! почему же?

Рулевъ.

Вотъ видите: лѣтъ десять назадъ, Г. Проводовъ былъ не иное что, какъ повытчикъ въ Сенатѣ, а я канцеляристомъ. Мы оба были на счету самыхъ дѣльныхъ и исправныхъ чиновниковъ и другъ друга уважа-

ли. Это взаимное уваженіе и понынѣ сохранилось. Но съ тѣхъ поръ, онъ неимовѣрно скоро поднялся; менѣе, чѣмъ въ девять лѣтъ, получилъ онъ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; а я остался по прежнему канцелярскимъ чиновникомъ и съ трудомъ добрелъ до 9 класса. Вѣроятно, ему неприятно будетъ встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, который зналъ его въ нижшихъ чинахъ, или какъ говорится въ черномъ тѣлѣ. При всемъ своемъ достоинствѣ, онъ хотѣлъ бы можетъ-быть заставить думать, что онъ родился съ лентою черезъ плечо.

Анна Андреевна.

А у Ревизора есть кавалерія черезъ плечо?

Марья Антоновна.

Какая? зеленая или желтая?

Анна Андреевна.

Дура! Развѣ есть такія кавалеріи? — Антоша, не правда ли? въ Россіи вѣдь только трехъ цвѣтовъ кавалеріи: голубыя, красныя и малиновыя?

Земленика.

Извините, господа, я перебью вашу рѣчь.... Мнѣ очень страннымъ кажется, что на балѣ, который будетъ данъ подъ предлогомъ сговора, ревизоръ не увидитъ жениха.

Рулевъ.

Онъ увидитъ меня, Артемій Филипповичъ. Вотъ какъ: къ концу бала, то есть около полуночи, когда всѣ будутъ веселы и довольны, когда и самъ ревизоръ потанцовавши, поволочившись, поигравши въ карты и повыпивши нѣсколько покаловъ шампанскаго, будетъ пресыщенъ удовольствіями; тогда Антонъ Антоновичъ предложитъ поздравить жениха и невѣсту съ новыми покалами въ рукахъ и тогда Марья Антоновна придетъ за мною въ кабинетъ, гдѣ я буду спрятанъ до того времени, и выведетъ меня къ гостямъ. Тогда начнутся громкія поздравленія и я представлюсь Его Превосходительству въ самомъ выгодномъ для насъ видѣ, то есть не какъ униженный проситель, а какъ хозяинъ дома. А Г. Проводовъ, въ качествѣ посаженаго отца, вынужденъ будетъ меня принять съ радушіемъ, съ родительскимъ

благословеніемъ..... За ужиномъ, вы меня посàдите возлѣ него (потому, что какъ вы и сами знаете, господа, я одинъ здѣсъ не замаранный чиновникъ, съ которымъ онъ не погнушается сѣсть рядомъ) .... Тогда у насъ все пойдетъ какъ по маслу; я заговорю, заглушу его; и донесеніе ваше полетитъ къ чорту.....

Всѣ.

Браво, браво, брависсимо!

Анна Андреевна.

Какой же вы затѣйникъ, Алексѣй Петровичъ!

Марья Антоновна.

Милашка!

Городничій.

А позвольте спросить, господа, на чей же счетъ данъ будетъ этотъ балъ? Онъ вѣдь станетъ въ тышнягу.

Лѣкарь.

Само собою разумѣется, что надобно всѣмъ сложиться для этого.

Хлопосъ.

Ну, ужъ есть что взять съ насъ съ тобою, Христіянъ Ивановичъ!

Судья.

Да кстати ли тутъ складчина? Если Г. Ревизоръ узнаетъ, что для этого бала сговаривались, совѣщались и еще складывались; то почтетъ это тайнымъ заговоромъ.

Земленика.

И что за новые пустяки! Развѣ въ первый разъ Антону Антоновичу давать вечеринки и пиры? Какъ было прежде, такъ будетъ и теперь. Не даромъ же у насъ посреди города Гостиный Дворъ, изъ котораго нанесутъ всего вдоволь, стоитъ Городничему только гаркнуть.

Городничій.

Нѣтъ, спасибо. Взятокъ болѣе уже не хочу; да и съ этими проклятыми купцами снова связаться .... теперь опасно ....

(Вбѣгаетъ Почтмейстеръ)

ЯВЛЕНІЕ 7е.

Тѣже и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Здравствуйте, Антонъ Антоновичъ, Анна Андреевна, Марья Антоновна и вся честная кампанія! Несу Антону Антоновичу письмо страховое, изъ Петербурга.

Городничій (съ удивленіемъ.)

Что за диковина! Давайте (смотритъ на печать.) Дворянская корона..... а въ гербѣ.....

Анна Андреевна.

Ну, Антоша, распечатывай по скорѣе!

Городничій (распечатываетъ письмо и читаетъ подпись)

Ба! ба! Иванъ Хлестаковъ.

Анна Андреевна и Марія Антоновна (въ одинъ голосъ.)

Отъ Ивана Александровича!

Городничій.

Посмотримъ, что за новыя бредни (читаетъ вслухъ.) » Почтеннѣйшіе и любезнѣйшіе Антонъ Антоновичъ и Анна Андреевна! Вы не по-

вѣрите какъ мнѣ скучно безъ васъ, моихъ милыхъ. Я, слава Богу, здоровъ и веселъ. Во всемъ успѣхъ, побѣда, торжество, да и только! Куда ни обернусь, вездѣ слышу: Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! Даже, когда иду по улицѣ, всѣ въ окнахъ пальцемъ на меня указываютъ, говоря: вотъ Хлестаковъ. Вашъ городъ меня прославилъ, обезсмертилъ; я сдѣлался героемъ вашего городка.»

«До возвращенія моего въ Петербургъ, я не зналъ за кого именно вы меня принимали. Здѣсь только извѣстился я, что вы почли меня Ревизоромъ. Когда же я явился къ Начальнику, то онъ сказалъ: «ну, если эти уроды тебя приняли за ревизора, то будь ты и въ самомъ дѣлѣ ревизоромъ!» и велѣлъ командировать меня въ помощь къ настоящему Ревизору вашей губерніи, Алексѣю Петровичу Проводову, который давно уже живетъ въ вашихъ краяхъ, инкогнито Я отвѣчалъ: «извольте, ваше Высокопревосходительство, я готовъ; поѣду; обревизую вамъ ихъ съ ногъ до головы.» И дѣйствительно собрался; сей часъ отправляюсь; почтовыя лошади на дворѣ. Министръ уже провѣдалъ,

не знаю какъ, что въ вашемъ городѣ, кромѣ васъ, Антонъ Антоновичъ, всѣ чиновники мошенники и плуты. «Нѣтъ, возразилъ я, ваше Высокопревосходительство; тамъ еще есть честный человѣкъ, . . . не помню Фамиліи . . . Брусника или Клубника . . . что-то похожее на это. . . завѣдывающій Богоугодными Заведеніями; . . . онъ самъ ко мнѣ явился и разсказалъ мнѣ всѣ каверзы тамошнихъ чиновниковъ: Почтмейстера, Судьи, Смотрителя Училищъ и прочихъ.» — «О! если онъ такой молодецъ, сказалъ Министръ, то онъ намъ и здѣсь пригодится. Сюда его, голубчика, сюда; въ Полицейскіе хожалые, въ брандмейстеры!» . . . И такъ, Антонъ Антоновичъ, прошу васъ съ этимъ поздравить Господина Бруснику; мѣсто хорошее, тепленькое.»

«Между тѣмъ я къ вамъ съ просьбою, Антонъ Антоновичъ и Анна Андреевна! Я вѣдь будущій вашъ зять, женихъ прелестной Марьи Антоновны, не правда ли? И потому взъѣду прямо къ вамъ въ домъ. Вы мнѣ дадите туже комнату, одну только, больше мнѣ не нужно. Я явлюсь къ вамъ вѣроятно въ одно время съ этимъ письмомъ; а можетъ

быть и прежде . . . . пишу однако же на всякой случай, чтобы васъ предупредить . . . Прощайте Антонъ Антоновичъ, Анна Андреевна и Марья Антоновна! Прощайте, мои голубчики! цѣлую васъ всѣхъ трехъ въ губки! » Вотъ-те на! незваный гость хуже татарина.

Земленика.

Не пускайте этого наглеца къ себѣ, Антонъ Антоновичъ. Вѣдь это все ложь.

Городничій.

А если правда?

Анна Андреевна.

Если онъ въ самомъ дѣлѣ помощникъ Ревизора?

Судья.

Этого быть не можетъ. Онъ запускаетъ намъ турусы на колесахъ.

Хлоповъ.

Гнусный лжецъ!

Марья Антоновна.

Помилуйте, маменька. Вѣдь Алексѣй Петровичъ разсказывалъ вамъ что ему пишутъ изъ Петербурга о Хлестаковѣ.

Рулевъ.

Что Хлестаковъ пишетъ вздоръ, это такъ вѣрно, какъ то, что я здѣсь сижу. Однако же, совѣтую Антону Антоновичу принять его къ себѣ во всякомъ случаѣ. Если онъ дѣйствительно помощникъ Ревизора; то присутствіе его намъ не повредитъ. А если онъ командированъ сюда, какъ мнѣ пишутъ, для того только, чтобы содѣйствовать Его Превосходительству въ открытіи злоупотребленій и въ изслѣдованіи глупой комедіи, въ которой онъ игралъ первую ролю; тѣмъ выгоднѣе еще будетъ Антону Антоновичу имѣть его въ своемъ домѣ и наблюдать всѣ его дѣйствія. — Къ тому жъ, не худо бы этимъ господамъ проучить его и вытребовать у него обратно свои деньги.

Всѣ въ голосъ.

Прекрасно, прекрасно! Непремѣнно проучимъ.

Городничій.

А я пойду теперь приглашать Его Превосходительство на балъ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Рулева, Анны Андреевны и Марьи Антоновны.

ЯВЛЕНІЕ 8е.

Анна Андреевна, Марія Антоновна и Рулевъ.

Анна Андреевна.

Мнѣ очень жаль, что дѣло у насъ съ вами затрудняется, Алексѣй Петровичъ. Первый женихъ ѣдетъ сюда.

Марья Антоновна.

Ахъ, маменька, вѣдь вы уже согласились на нашу свадьбу. Я не выйду за Ивана Александровича; никакъ не выйду; дѣлайте со мною что хотите. Я люблю одного Алексѣя Петровича. (плачетъ)

Анна Андреевна.

Посмотрю я на твои слезы и на твою любовь!.... Да что ты здѣсь заболталась? Развѣ не знаешь, что давно пора одѣваться къ столу? Поди, надѣнь красное ситцевое платье; а мнѣ вели приготовить голубое.

ЯВЛЕНІЕ 9е.

Анна Андреевна, Рулевъ.

Рулевъ.

Вы шутите со мною, Анна Андреевна. Не полагаете ли вы можетъ-бытъ, что мною можно играть какъ щашкою, какъ вашимъ мужемъ? Нѣтъ, сударыня, этого никогда не будетъ. Съ вашего позволенія или безъ вашего позволенія, Марья Антоновна будетъ моею. Да и что за перемѣнчивость, что за капризы? Послали мужа звать Ревизора на помолвку, а теперь опять другое.

Анна Андреевна.

Г. Проводову не все ли равно къ кому пріѣхать на помолвку, къ вамъ ли, или къ Ивану Александровичу?

Рулевъ.

Такъ вотъ что? Мальчишка, шалунъ, вертопрахъ, написалъ вамъ двѣ страницы вздору, а вы и повѣрили. Прекрасно, сударыня. Слава женскому благоразумію!

Анна Андреевна.

Вы сердитесь, Алексѣй Петровичъ: а право

не за что сердиться; мать обязана для дочери своей выбирать выгоднѣйшую партію: высокой тонъ, богатство....

Рулевъ.

А нравственность?

Анна Андреевна.

Пустое! Нравственностію всѣ мужчины одинаковы; обманщики, да и только.

Рулевъ.

Какъ! развѣ вы не обязаны заботиться о счастіи вашей дочери? Можетъ ли она быть счастлива съ такимъ человѣкомъ, котораго она не любитъ?

Анна Андреевна.

Любовь придетъ послѣ.

Рулевъ.

Нѣтъ, никогда. Впрочемъ, я напрасно горячусь; этому не бывать: Хлестаковъ не женится на вашей дочери.

Анна Андреевна.

Почему же?

Рулевъ.

По двумъ причинамъ: во первыхъ, онъ ее не любилъ и не любитъ; а морочитъ васъ для того только, чтобы имѣть право взъѣхать къ вамъ въ домъ. Притомъ же отецъ его, котораго я хорошо знаю, не позволитъ ему жениться такъ рано. Во вторыхъ, онъ не женится потому, что матъ ему нравится больше дочери.

Анна Андреевна. (съ самодовольствомъ)

Вы это думаете?

Рулевъ.

Я это знаю.

Анна Андреевна.

Правда, что онъ очень мною любовался... Но я удивляюсь, какъ вы это знаете?....

Рулевъ.

Этого не довольно; я еще кое-что знаю.

Анна Андреевна. (съ любопытствомъ)

Что такое?

Рулевъ.

Какъ вы любопытны!

Анна Андреевна. (съ нетерпѣніемъ)

Ахъ, Боже мой, скажите же поскорѣе!

Рулевъ.

Вы лучше меня знаете о чемъ я говорю.

Анна Андреевна.

Не мучьте меня. Скажите!

Рулевъ.

Вы сами безъ памяти любите Хлестакова.

Анна Андреевна. (въ смущеніи)

Предосадный человѣкъ! Съ чего вы это взяли?

Рулевъ.

Я умѣю читать въ глазахъ женщинъ. Впрочемъ, это весьма естественно. Иванъ Александровичъ хорошъ собою и молодъ; а Антонъ Антоновичъ старъ и дуренъ. Г. Хлестаковъ веселъ, забавенъ; а Г. Городничій серьозенъ, обремененъ дѣлами службы; первый говоритъ всегда вздоръ, но мило; послѣдній говоритъ всегда дѣльное, но скучно; Иванъ Александровичъ новое явленіе, Петербургскій любовникъ: Антонъ Антоновичъ старый мужъ,

одинъ и тотъ же, неизмѣнный, какъ гранитная верста. — Страшная разница!

Анна Андреевна.

Сознаюсь, что этотъ молодой человѣкъ мнѣ очень нравится.

Рулевъ.

За чѣмъ же вы хотѣли сдѣлать двухъ несчастныхъ: дочь принудить выйти за-непріятнаго ей человѣка; а себя лишить пріятнаго любовника?...

Анна Андреевна.

Вы меня конфузите, Алексѣй Петровичъ.

Рулевъ.

Или можетъ-быть вы хотѣли жертвовать своею любовью вѣрности супружеской? Если такъ; то намѣреніе ваше очень похвально. Такое самоотверженіе заслуживаетъ вѣчной признательности вашего мужа, и я почту долгомъ совѣсти разсказать ему....

Анна Андреевна.

Что вы! Что вы! Алексѣй Петровичъ, вы меня погубите. Ради Бога, ничего никому не говорите.

Рулевъ.

Отъ чего же? Если Хлестаковъ будетъ вашимъ зятемъ, то любовь ваша къ нему сама собою обнаружится, не позже какъ чрезъ мѣсяцъ; но тогда уже эта любовь будетъ опасна!...

Анна Андреевна.

Какъ вы меня пугаете!

Рулевъ.

Другое дѣло, если бы это все могло устроиться такимъ образомъ: скажу примѣрно, Иванъ Александровичъ сюда пріѣзжаетъ и волею или неволею поселяется въ вашемъ домѣ. Повторяетъ притязанія свои на руку Марьи Антоновны; но вы ему отказываете. Ему это все равно; сватовство было съ его стороны лишь долгомъ учтивости, долгомъ политики, необходимою мѣрою, вынужденною обстоятельствами. Другой предметъ занимаетъ его.... Да, онъ любитъ, и любитъ страстно, но не Марью Антоновну.... Понимаете?... Любовь его угадана, предупреждена; онъ счастливъ! Первое свиданіе рѣшитъ участь трехъ смертныхъ: любовника, любовницы и мужа. Воздви-

гается богу любви огненный жертвенникъ; на немъ пылаютъ два сердца; неумолимое божество требуетъ своей добычи... и вотъ Антонъ Антоновичъ приносится ему въ жертву.... все свершилось! Настали для Ивана Александровича дни блаженства! .... Но любовь не можетъ быть всегда усыпана цвѣтами; вмѣстѣ съ порывами ея возрастаютъ и затрудненія.... Какъ укротить гнѣвъ стараго, немощнаго, но ревниваго супруга, когда нельзя уже будетъ скрыть грозную истину?... Случай, неисповѣдимый случай, спасаетъ васъ и все устроиваетъ къ вашей славѣ.... Антонъ Антоновичъ занемогъ; болѣзнь его усиливается ежечасно какъ пожаръ во время бури; еще недѣля.... увы!.. и вы свободны!... — Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, нѣкто изъ здѣшнихъ жителей, прогуливаясь въ уединенномъ саду кладбища, увидитъ восхитительную картину: надъ гранитнымъ памятникомъ, осѣненнымъ плачевною ивою, стоитъ женщина, скрываясь подъ вуалемъ; прелестный станъ и очаровательныя тѣлодвиженія ея возвѣщаютъ красавицу; но пока рѣзвый вѣтерокъ не сдернетъ покрывала, взоръ любопытнаго не проникнетъ ея тайны. Наблю-

датель нетерпѣливо ждетъ минуты откровенія . . . и вотъ она плачетъ, вынимаетъ платокъ, чтобы утереть слезы, отбрасываетъ покрывало бѣлою рукою и незнакомецъ узнаетъ въ ней . . . счастливую супругу Хлестакова, бывшую вдову Г. Городничаго Дмухановскаго.

Анна Андреевна (утирая слезы).

Довольно, довольно, Алексѣй Петровичъ; какъ вы хорошо говорите! Къ несчастію, вы не одарены духомъ пророчества.

Рулевъ.

И не желаю напророчествовать вамъ счастія, потому, что вы сами ищете моей гибели. Не отдать мнѣ Маріи Антоновны значитъ убить меня . . . Анна Андреевна, согласитесь (цѣлуетъ руку)!

Анна Андреевна.

Помилуйте, Алексѣй Петровичъ, я давно согласна. Мнѣ очень пріятно имѣть такого зятя. Я увѣрена, что вы будете прекраснымъ мужемъ.

Рулевъ.

Слѣдственно, все улажено, Анна Андреевна. Прощайте же до завтра. Желаю вамъ успѣха.

ЯВЛЕНІЕ 10е.

Анна Андреевна (одна).

Какой краснобай, этотъ Алексѣй Петровичъ! . . . влюбленъ въ мою дочь по уши, да и только . . . Что же въ ней такого прелестнаго? . . . Я постарѣе ея, а право не хуже. — Погубилъ меня Антонъ Антоновичъ: быть женою стараго Городничаго! Право, это несносно! Вотъ къ обѣду съѣдутся гости и я буду какъ оплеванная; всѣ старые ко мнѣ, а молодые къ Машенькѣ. Предосадно! Чего же хуже Добчинскаго и Бобчинскаго? и тѣ все къ ней льнутъ. А Почтмейстеръ, тотъ и говорить со мною не хочетъ. Я де матерей терпѣть не могу; мнѣ дочерей подавай. Это несносно! За то уже, когда Иванъ Александровичъ пріѣдетъ, потѣшусь! Милой молодой человѣкъ! Страстно люблю людей хорошаго тона. Потолковать съ ними о Петербургѣ, о новыхъ книгахъ, о политикѣ, о

модахъ . . . . Ахъ! кстати! эта дура, Машенька, такъ и ушла не спрося у меня какую ей косынку надѣть! Маша, Маша!

ЯВЛЕНІЕ 11е.

Анна Андреевна, Марья Антоновна.

(Марья Антоновна входитъ въ слезахъ.)

Анна Андреевна.

Ну вотъ опять! о чемъ плачешь?

Марья Антоновна.

Какъ же не плакать! вы меня насильно отдаете за Хлестакова.

Анна Андреевна.

Съ ума ты сошла! Кто тебя станетъ насильно отдавать! Да еще захотѣлъ ли бы онъ на тебѣ жениться! Въ Петербургѣ мало ли Фрейлинъ, Княженъ и Графинь?

Марья Антоновна.

За кого же вы меня отдаете?

Анна Андреевна.

Извѣстно . . . Ахъ, Боже мой, не забыть бы мнѣ послать Мишку за винами . . .

Марья Антоновна.

Маменька, ктожъ будетъ моимъ мужемъ?

Анна Андреевна.

Ты надѣнешь завтра розовое платье муаре...

Марья Антоновна.

Хорошо, маменька. А за кого вы меня просватали?

Анна Андреевна.

А косыночку блондовую. Слышишь-ли?

Марья Антоновна.

Слышу, маменька, слышу. — Какъ же вы рѣшили съ Рулевымъ?

Анна Андреевна.

А на голову одинъ бѣлый розанчикъ.

Марья Антоновна.

Розанчикъ, маменька. — А что вы отвѣчали Алексѣю Петровичу?

Анна Андреевна.

Или нѣтъ, не розанчикъ, а фероньерку; мою возьми.

Марья Антоновна.

Благодарю васъ, маменька. — Отдаете ли вы меня за . . .

Анна Андреевна.

На шею бѣлыя бусы съ фермуаромъ . . .

Марья Антоновна.

Хорошо, маменька. — Кончили ли вы съ Алексѣемъ Петровичемъ? . . .

Анна Андреевна.

И эти бусы ты надѣнешь узломъ, вотъ такъ. Видишь?

Марья Антоновна.

Вижу, маменька. — Вы не хотите отвѣчать на мои вопросы, маменька!

Анна Андреевна.

Смотри, чтобъ у тебя все это было готово нынче же . . . а завтра мнѣ нѣкогда будетъ . . . я займусь . . . (Городничій входитъ поспѣшно, запыхаясь)

ЯВЛЕНІЕ 12е.

Тѣжъ и Городничій.

Городничій.

Радуйся, радуйся, Анна Андреевна. Его Превосходительство не только согласенъ быть посаженымъ отцомъ нашей дочери; но велѣлъ мнѣ сказать чрезъ своего Секретаря, что очень благодаритъ меня за эту честь и что непремѣнно будетъ на балѣ, если болѣзнь дозволитъ ему встать съ постели. Только приказалъ, чтобы его не ждали къ началу бала, и чтобы танцы и весь пиръ открыть до него. А наше донесеніе отложить до послѣ завтра. А! какое счастіе! Спасибо Алексѣю Петровичу за совѣтъ. —

Анна Андреевна.

Ну, слава Богу, Антоша; я очень рада, что тебѣ все удалось. Мы такъ и распорядимся. До ревизора чай, сиропы, сухіе конфеты и что по хуже; а когда онъ явится, тогда мороженое, фрукты и что по лучше.

Городничій.

Какъ хочешь, такъ и распоряжайся, ма-

тушка. А я усталъ, мочи нѣтъ. Пойду отдохнуть!

Анна Андреевна.

А мы съ тобою, Машенька, пойдемъ, потолкуемъ о нарядахъ.

(уходятъ)

ЯВЛЕНІЕ 13е.

Городничій. (одинъ)

Ну! долго же прождалъ я въ передней Превосходительнаго... все занятъ, да занятъ! — А мнѣ сдается, что болѣзнь его притворная; какая нибудь хитрая штука! Между тѣмъ, самаго дома небыло. Бѣда если онъ вздумалъ зайти инкогнито въ Городскую Полицію! Тамъ моихъ чертей, я чай, ни одного не сыщешь: разбредутся всегда какъ будто дома у нихъ горятъ. И все, увѣряютъ, по дѣламъ службы. А какая у нихъ служба?

(уходитъ)

ДЕНЬ ВТОРЫЙ.

ДЕНЬ 2й.

КАБИНЕТЪ ГОРОДНИЧАГО.

Съ одной стороны диванъ; съ другой письменный столъ, на коемъ навалено нѣсколько тетрадей, шнуровыхъ книгъ и бумагъ; въ углу курительныя трубки и табакъ. На полу, дорожный чемоданъ Хлестакова.

ЯВЛЕНІЕ 1е.

Осипъ.

(сидитъ развалившись на диванѣ)

Ну вотъ мы и опять здѣсь, въ этомъ скверномъ городишкѣ! Какъ-то отъ него отдѣлаемся! не думаю, чтобы удалось на этотъ разъ кого-нибудь обморочить. Пустая ты головушка, Иванъ Александровичъ! финти, какъ хочешь, а попадешься здѣсь какъ куръ во щи!„ Взъѣдемъ прямо къ Городничему, говоритъ, непремѣнно къ Городничему, “ какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ Ревизоръ. Ну вотъ и взъѣхали, что-то дальше будетъ? На

бѣду, никого дома нѣтъ, всѣ уѣхали за городъ, на какую-то церемонію. Казалось, этого бы и довольно, чтобы остановиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ нѣтъ; «я де самъ здѣсь хозяинъ, говоритъ, я де будущій зять Городничаго.» И лѣзетъ прямо въ кабинетъ. Ему вездѣ море по колѣно; а того не догадывается, что именно изъ кабинета-то насъ всего скорѣе вытурятъ. Здѣсь у Городничаго бумаги, секретныя дѣла и дѣлишки; здѣсь принимаетъ онъ просителей, то есть такихъ молодчиковъ, которые съ пустыми руками не ходятъ.... Житье, право, этимъ Городничимъ! Едва протеръ глаза по утру, какъ уже валятъ къ нему разные народы, съ оброчною податью, то есть съ винцомъ, сахарцомъ, чайкомъ, иногда и съ денежками. Знай, бери, да и только! Потомъ, Частные Приставы, да Квартальные Надзиратели! тотъ лисицу, тотъ зайца, тотъ щуку тащитъ; кто что попало. А доносамъ, доносамъ-то, конца нѣтъ! Всѣ сплетни городскія исвѣстны Городничему и Городничихѣ; могутъ похохотать вдоволь. Городничиха-то, говорятъ, его правая рука. Недостаетъ ей только мужскаго кафтана; а то бой-баба. Да и съ перваго взгляда видно, что здѣсь женщина

управляетъ. На письменномъ столѣ все разбросано, перемѣшано. Нѣтъ того, что у нашихъ Петербургскихъ маклеровъ или подъячихъ; бумажка къ бумажкѣ, переплетъ къ переплету. . . . Здѣсь (подходитъ къ столу) куда ни посмотри, все въ пыли, все вверхъ ногами, все тринтрава (перебираетъ бумаги на столѣ) А! вотъ и записки здѣшнихъ Полицейскихъ офицеровъ; прочтемъ изъ любопытства: (читаетъ)

Записка Поручика Держиморды: « На помолвку дочери Г. Городничаго собрано съ купцовъ и мѣщанъ 1-го квартала триста рублей?»

Записка Прапорщика Пуговицына. « Къ балу Г. Городничаго на завтрешнее число будетъ представлено отъ жителей 2-го квартала всего 4 пуда говядины, 5 четвертей телятины, 3 потроха и 3 поросятъ. » «Записка Частнаго Пристава Уховертова: » Согласно приказанію Вашего Высокоблагородія, велѣно купцу Абдулину представить завтра по утру ящикъ шампанскаго, 12 бутылокъ Венгерскаго, 3 штофа водки и 4 бутылки рому; сверхъ того, деньгами 2000 рублей въ наказаніе за принесенную имъ фальшивому Ревизору на Ваше Высокоблагородіе жалобу. » Вотъ-те на! фальшивому Реви-

зору! то есть моему барину! молодецъ Городничій! Впрочемъ, всѣ они другъ друга стоютъ. Городничій деретъ съ купца; а купецъ, фарисей, деретъ съ покупателей и хвалится честностію, обмѣривая ихъ на каждомъ аршинѣ. — Но ст! ст! кто-то идетъ . . .

ЯВЛЕНІЕ 2е.

Осипъ, купецъ Абдулинъ.

(несетъ кузовокъ вина и ставитъ его на полъ)

Осипъ.

А! это ты, Г. Абдулинъ? Добро пожаловать! (старается казаться по важнѣе и беретъ трубку въ ротъ, какъ будто куритъ)

Купецъ.

Я! Къ его милости, Г-ну Городничему . . . Но, если не ошибаюсь, я твою честь знаю: ты слуга Г. Хлестакова?

Осипъ.

То и не то, какъ тебѣ угодно. Вотъ видишь, когда мы проѣзжали здѣсь въ первый разъ и скрывали свои имена; тогда я былъ слугою. А теперь, когда мы явно пріѣхали отъ вышшаго начальства, чтобы при-

вести вашъ городъ въ порядокъ и наказать плутовъ; то уже не имѣемъ нужды скрываться.

Купецъ.

Виноватъ, государь; не взыщи съ простомодина.

Осипъ.

Ничего, ничего. Я самъ, видишь ты, выписанъ издалека въ помощь Г. Хлестакову, чтобы произвести здѣсь слѣдствіе....

Купецъ.

Да къ намъ уже прибылъ другой ревизоръ, генералъ.

Осипъ. (въ сторону)

Попался я! Онъ ужъ все знаетъ!... Ну пускай знаетъ; только бы не робѣть! врать такъ врать! — (купцу) Къ этому-то генералу мы и присланы на подмогу.

Купецъ.

Ой ли? Какъ же чествовать твою милость?

Осипъ. (очень важно)

Ты хочешь знать мое имя и чинъ? (въ сторону) Озадачилъ! (купцу) Пожалуй! это не се-

кретъ: я Осипъ Поликарповичъ Ромидопуло, магазинъ-вахтеръ Царевококшайской военно-сиротской Академіи. — Теперь ты мнѣ разскажи, голубчикъ, съ чѣмъ пришелъ ты сюда?

Купецъ (униженно кланяясь)

Извините, Осипъ Поликарповичъ, что вошелъ прямо, безъ доклада. Ей ей! въ цѣломъ домѣ ни души. Я принесъ Г. Городничему кузовокъ вина и еще кое-какихъ деньжонокъ.

Осипъ.

Обираетъ васъ этотъ Городничій, кажется мнѣ? А?

Купецъ.

И какъ. Вздохнуть недаетъ. Все тянетъ, до послѣдней нитки.

Осипъ.

Что жъ ты намъ не пожалуешься?

Купецъ.

Ахъ, если бы вы избавили насъ отъ этого Городничаго!

Осипъ.

Намъ это, братецъ, все равно, что табаку

понюхать. Да видишь, тутъ есть маленькая закарючка.

Купецъ.

Да. Помнится мнѣ, что дочь Городничаго была просватана за Г. Хлестакова. Но теперь вѣдь это рушилось. Она выходитъ за другаго.

Осипъ.

За другаго? За кого же?

Купецъ.

За какого-то Рулева. Завтра помолвка и балъ. Самъ генералъ, вишь, будетъ посаженымъ отцемъ.

Осипъ. (въ сторону)

Вотъ-те на! кстати же мы привалили! (Купцу) Тѣмъ лучше. У насъ, братъ, совсѣмъ дѣло другое; я, пожалуй, скажу тебѣ этотъ секретъ; только ты, смотри, не проболтайся.

Купецъ.

Разрази меня Господь. . .

Осипъ.

Иванъ Александровичъ и самъ желалъ бы

вашему Городничему задать карачунъ; да нельзя! по уши влюбился въ Городничиху.

Купецъ.

Ой ли?

Осипъ.

Да. И отъ того бережетъ ея мужа. Не знаю какъ и приступить съ твоею просьбою. Развѣ чѣмъ-нибудь обольстить его .... Да нѣтъ .... мудрено .... надобно большую сумму.

Купецъ.

Такъ чтожъ? Мы кое-какъ сколотимся. Сколько же нужно, Осипъ Поликарповичъ?

Осипъ.

Почему я знаю? Ты самъ это рѣши. Сколько принесъ ты Городничему на поклонъ?

Купецъ.

Двѣ тысячи, батюшка, ассигнаціями.

Осипъ.

Ну, Ивану Александровичу двѣ тысячи — плюнуть. Надобно по крайней мѣрѣ вдвое.

Купецъ.

Ужъ не сходить ли домой за деньгами?

Осипъ.

Нѣтъ. — Знаешь что? вѣдь съ нимъ однѣми деньгами не сладишь. Онъ такой мудреный, Богъ съ нимъ, такой мнительный! Подумаетъ, что ты подосланъ нарочно самимъ Ревизоромъ, чтобы подкупить или испытать его. Лучше ухитриться иначе.

Купецъ.

Научи, государь!

Осипъ.

Я тебя научу такой штукѣ, что всѣ будутъ довольны; и волки сыты, и овцы цѣлы. Ты приготовилъ для Городничаго 2000 рублей, не правда ли? Слѣдственно тебѣ все равно кому отдать ихъ: ему ли, или Г. Хлестакову? А? Я приму эти деньги отъ тебя и вручу ихъ моему барину, то есть моему начальнику; а чтобы онъ не сомнѣвался въ твоей честности, ты дашь росписку въ томъ, что ты остаешься ему должнымъ еще 2000 рублей за то-то и то-то; я ужъ тебѣ скажу

что писать. Понимаешь-ли? Вы оба будете въ выигрышѣ: Иванъ Александровичъ будетъ совершенно обезпеченъ; а ты отдѣлаешься тѣми же двумя тысячами, которыя и безъ того долженъ былъ отдать. Одинъ Городничій будетъ въ накладѣ; ибо денегъ твоихъ ему не видать какъ своихъ ушей. — Что же касается до меня; то мнѣ за труды ничего не надобно. Я служу, братъ, не изъ корысти; а изъ чистой совѣсти. Видитъ Богъ!

Купецъ.

Благодарю, батюшка! благодарю, благодѣтель! — Только одного боюсь: завтра балъ у нашего Городничаго и если я не явлюсь съ деньгами; то онъ со мною, Богъ вѣсть, что сдѣлаетъ. Ей ей! погубитъ.

Осипъ.

Да когда же, братецъ? Вѣдь Иванъ Александровичъ сейчасъ прійдетъ домой, сейчасъ обо всемъ узнаетъ, получитъ отъ меня твои деньги, и сейчасъ же къ Ревизору . . . Чего добраго! они вдвоемъ такъ состряпаютъ это дѣло, что твой молодецъ не успѣетъ дать и пирушки своей. — Ну, вынимай деньги. (Купецъ отдаетъ деньги Осипу, который пересчитываетъ ихъ) Хорошо. — Теперь,

вотъ тебѣ бумага и перо; пиши: «Такого-то года, такого-то числа и мѣсяца, я, купецъ такой-то, остаюсь должнымъ Его Высокоблагородію Ивану Александровичу Хлестакову, за купленные мною у батюшки его, еще въ 1834 году, сукно и холсть, двѣ тысячи рублей государственными ассигнаціями.»

Вотъ такъ; дѣло и въ шляпѣ. Теперь ступай съ Богомъ. Завтра, или послѣ завтра, или много-много дня чрезъ три, тебѣ можно будетъ спать спокойно; Городничаго уже не будетъ.

Купецъ.

Спасибо, Осипъ Поликарповичъ, спасибо. Дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать!

ЯВЛЕНІЕ 3е.

Осипъ.

Хорошъ гусь! далъ себя облапошить; а еще купецъ! Онъ вѣрно думаетъ, что деньги не пропадутъ.» Если Хлестаковъ де обманетъ; то я подамъ жалобу и оглашу его взяточникомъ. Тогда де онъ радъ будетъ мнѣ заплатить и вдвое.» На это купцы куда какъ смѣтливы и смышлены! жаль только,

что въ письменныхъ дѣлахъ они больно плохи. Вотъ, въ роспискѣ-то онъ и далъ маху. Какъ теперь докажетъ, что мы взяли взятку? Онъ намъ долженъ; да и только. (вынимаетъ деньги) Двѣ тысячки! Какая миленькая пачечка! Однако, Иванъ Александровичъ, не горячись; не очень протягивай лапу; всѣхъ тебѣ не отдамъ; слишкомъ лакомъ будешь! вотъ эти пять сотъ на мою долю; съ тебя довольно и остальныхъ. — Вотъ онъ идетъ; притворюсь сердитымъ.

ЯВЛЕНІЕ 4е.

Осипъ, Хлестаковъ.

Хлестаковъ. (входитъ съ негодованіемъ, бросаетъ шляпу на столъ и садится въ кресла)

Чортъ бы взялъ всѣхъ этихъ ревизоровъ! Такой спѣси я еще никогда не видывалъ. Вообрази Осипъ: прихожу къ Г. Проводову; не пускаютъ. Его Превосходительство болѣнъ, въ постели. Я думалъ, что этимъ и кончится; собирался уже идти домой, какъ вдругъ выходитъ Секретарь и приказываетъ мнѣ отъ имени Ревизора представить сего же дня ввечеру, при рапортѣ, всѣ тѣ деньги, кото-

рыя я получилъ отъ здѣшнихъ жителей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. — Ну скажи, Осипъ, не съумасшедшіе ли они? гдѣ мнѣ теперь взять эти деньги? Они, право, думаютъ, что я тогда же положилъ ихъ въ Ломбардъ на приращеніе процентами.

Осипъ. (сурово)

Ну, ужъ у васъ всегда одна забота, деньги, и деньги. Въ этой исторіи по важнѣе есть статья, кажется: вы можете попасть подъ судъ; тогда и деньги не помогутъ.

Хлестаковъ.

Что съ тобою, Осипъ? ты, мнѣ кажется, заумничалъ? Попаду ли подъ судъ, или нѣтъ; это дѣло десятого рода. А теперь требуютъ денегъ; и я долженъ представить ихъ сего же дня. Что тутъ умничать? Ужъ не ты ли мнѣ дашь денегъ, олухъ?

Осипъ.

А если бы и я?... Тогда что? все былъ бы еще олухъ? То-то, баринъ; вамъ, господамъ, никакъ не угодишь. Денегъ, денегъ; а что деньги? дрянь, дѣло нажитое. Умъ увертливый, изобрѣтательный, лучше денегъ.

Вотъ, хотятъ васъ погубить за взятки; а много ли вы взяли? Я чаю, тысячи рублей не собрали? Ну, вотъ вамъ полторы тысячи; возьмите ихъ и бросьте имъ въ зубы. (кладетъ деньги на столъ)

Хлестаковъ.

Что это? Что такое, Осипъ? откуда у тебя эти деньги? Уже ли ты укралъ ихъ?

Осипъ.

Вѣстимо, что укралъ; только честнымъ манеромъ . . . Купецъ Абдулинъ, который васъ уже ссужалъ деньгами, принесъ сюда этотъ кузовокъ вина и полторы тысячи рублей на поклонъ Городничему. Унего завтра баль по случаю помолвки дочери за чиновника Рулева . . .

Хлестаковъ.

Дочери его, Марьи Антоновны? Злодѣй, зарѣзалъ! (не много помолчавъ) Ну чортъ съ ними, съ баломъ, съ свадьбою, и съ Городничимъ; но эти деньги?

Осипъ.

Я увѣрилъ купца, что онѣ вамъ нужнѣе,

нежели Городничему, и за то обѣщался непремѣнно въ три дня уходить Городничаго...

Хлестаковъ.

Но вѣдь это взятки, чистыя взятки! и въ то время, когда всеобщее вниманіе обращено на меня; когда сюда нарочно высланъ ревизоръ, чтобы отыскать взяточниковъ!...

Осипъ.

Не безпокойтесь, я все придумалъ. Вотъ, прочтите эту росписку. . . .

Хлестаковъ. (прочитавъ росписку, бросается къ Осипу на шею и цѣлуетъ его)

Милый, добрый Осипъ, спаситель, благодѣтель мой!... (у дверей слышенъ стукъ)

Осипъ.

Кто-то идетъ сюда. Спрячьте деньги, спрячьте поскорѣе. Я и вино-то приберу; чтобы въ этой комнатѣ и духомъ купеческимъ не пахло.

(уноситъ корзину съ виномъ)

ЯВЛЕНІЕ 5е.

Хлестаковъ, Судья (въ мундирѣ).

Судья.

Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ: Судья здѣшняго Уѣзднаго Суда, Коллежскій Ассессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

А, сдѣлайте милость садитесь. Я очень радъ васъ видѣть. Что у васъ новинькаго?

Судья.

Много, очень много. Пріѣхалъ новый ревизоръ, настоящій, подлинный.... тотъ самый, за котораго мы васъ принимали....

Хлестаковъ.

Да. Это мой начальникъ. Я командированъ къ нему въ помощь, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать.

Судья.

Потомъ, свадьба у Городничаго: ваша невѣста выходитъ за мужъ....

Хлестаковъ.

Слышалъ, слышалъ. И очень радъ....

Судья.

Позвольте напомнить вамъ, Иванъ Александровичъ, о должкѣ....

Хлестаковъ.

О какомъ должкѣ?

Судья.

При проѣздѣ вашемъ чрезъ нашъ городъ, я имѣлъ честь ссудить васъ стами рублями...

Хлестаковъ.

А я, напротивъ того, хотѣлъ попросить у васъ еще денегъ въ займы.

Судья.

Сдѣлайте милость, Иванъ Александровичъ, отдайте. Теперь подходитъ время страшное, ревизія; всякой въ городѣ знаетъ сколько кто вамъ далъ денегъ. Лучше очистить эту статью.

Хлестаковъ.

Если такъ, то извольте (отдастъ сто рублей). А вы пожалуйте мнѣ росписку, что вы получили отъ меня должныя вамъ деньги.

Судья.

Сейчасъ-съ (пишетъ роспиеку, вручаетъ ее Хлестакову и уходитъ) Имѣю честь кланяться.

Хлестаковъ.

Прощайте, прощайте. — Судья этотъ, сколько мнѣ кажется, не глупый человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно скоро и откровенно раздѣлаться.

ЯВЛЕНІЕ 6е

Хлестаковъ, Добчинскій и Бобчинскій.

Бобчинскій.

Съ счастливымъ пріѣздомъ, Иванъ Александровичъ!

Добчинскій.

Съ счастливымъ пріѣздомъ, Иванъ Александровичъ!

Хлестаковъ.

А! господа Бобчинскій и Добчинскій? знаю. Я очень васъ помню, мои милые, и благодарю за посѣщеніе.

Добчинскій. (въ сторону)

Ба! онъ спять на тонѣ ревизора!

Бобчинскій. (въ сторону)

Ничего не сбавилъ спѣси! (Хлестакову) Мы къ вамъ съ просьбою, Иванъ Александровичъ...

Хлестаковъ.

Съ какою? Говорите смѣло; я очень васъ люблю; все сдѣлаю, что могу.

Добчинскій.

При проѣздѣ вашемъ, вы заняли у насъ нѣсколько денегъ. . . .

Хлестаковъ.

Да. Какую-то бездѣлицу!

Добчинскій.

Однакожъ. . . . У меня сорокъ ассигнаціями.

Бобчинскій.

А у меня двадцатипятирублевую бумажку и три двугривенныхъ.

Хлестаковъ.

Извольте, господа, извольте. (отдаетъ деньги) Я очень радъ. Долгъ платежемъ красенъ. Благодарю васъ за довѣріе. Вотъ, напишите на этомъ лоскуткѣ, что я возвратилъ вамъ должныя деньги.

Добчинскій и Бобчинскій.

Сейчасъ (суетятся около стола, пишутъ росписку, отдаютъ ее Хлестакову и хотятъ идти).

Хлестаковъ.

Куда же вы спѣшите, господа? Покалякаемъ-те. Вы мнѣ съ перваго разу очень понравились оба. Я и въ Петербургѣ, тотчасъ объ васъ вспомнилъ. . . .

Добчинскій.

И такъ. . . . вѣрно вы исполнили мою просьбу, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ.

Какъ же, нѣпремѣнно. О чемъ, бишь, вы меня просили?

Добчинскій.

О незаконномъ моемъ сынѣ. Онъ рожденъ мною еще до брака. — То есть оно такъ только говорится; а онъ рожденъ совершенно, какъ бы и отъ брака, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества. Теперь я хочу, чтобы онъ уже былъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался какъ я: Добчинскій.

Хлестаковъ.

Помню, помню. — Это дѣло стоило мнѣ большихъ хлопотъ. Я изъ за него во всѣхъ Палатахъ изшаркалъ полы и обилъ пороги. Чиновники тамошніе, по моей просьбѣ, изписали цѣлую стопу бумаги; но когда дѣло дошло до вышшаго Начальства, сказали.» Стоитъ ли труда затѣвать переписку объ одномъ только сынѣ? Когда у Г. Добчинскаго будетъ нѣсколько такихъ дѣтей; тогда мы разомъ обо всѣхъ представимъ.»

Добчинскій.

Покорнѣйше васъ благодарю, Иванъ Александровичъ, я постараюсь. . .

Бобчинскій.

Стало быть, вы и о моей просьбѣ изволили вспомнить, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ.

А вы о чемъ просили?

Бобчинскій.

Я просилъ васъ нижайше, какъ пріѣдете въ Петербургъ, сказать тамъ всѣмъ вельможамъ, Сенаторамъ и Адмираламъ, что вотъ,

Ваше Сіятельство или Превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и сказать, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ.

Ну, помню, какъ не помнить? Въ тотъ же день какъ пріѣхалъ, я всѣмъ и разсказалъ это, даже Министру. Онъ отвѣчалъ: » Я давно знаю, что Петръ Ивановичъ Бобчинскій тамъ живетъ, и очень живетъ, чрезвычайно живетъ.

Бобчинскій.

Покорнѣйше васъ благодарю. (Бобчинскій и Добчинскій уходятъ)

Хлестаковъ.

Какіе дураки эти два урода! Однакоже странно, что они по прежнему одинъ за другимъ ко мнѣ являются. Какъ будто сговорились отобрать у меня свои деньги!

ЯВЛЕНІЕ. 7е

Хлестаковъ и Земленика
(входитъ важно и фамиліярно).

Земленика.

Здравствуйте, Иванъ Александровичъ! Я тотъ самый Попечитель Богоугодныхъ Заведеній Надворный Совѣтникъ Земленика, у котораго вы взяли въ займы триста рублей....

Хлестаковъ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Земленика.

Сяду и безъ вашего приглашенія; не въ томъ дѣло. Пожалуйте-ка мои денежки назадъ. Вѣдь вы теперь уже не ревизоръ.

Хлестаковъ. (въ сторону)

Фу! какой грубіянъ! — (Земленикѣ) Помилуйте, Г. Земленика, откуда мнѣ теперь взять ваши деньги? Триста рублей вѣдь не бездѣлица! Какъ скоро получу отъ батюшки; то не премину. . . .

Земленика.

Я вашего батюшку знать не хочу. . . .

Не довольно, что разругали насъ всѣхъ въ письмахъ; огласили злодѣями въ Петербургѣ; да еще денегъ не платите! . . . .

Хлестаковъ.

Когда я васъ ругалъ въ письмахъ?

Земляника.

Развѣ не посылали вы отсюда письма въ Петербургъ къ какому-то пріятелю Тряпичкину, въ которомъ разписали каждаго изъ здѣшнихъ чиновниковъ разными красками и назвали разными именами?

Хлестаковъ.

Ну чтожъ? я расхвалилъ васъ.

Земляника.

Расхвалилъ! развѣ мы не читали этого письма сами? Спасибо Почтмейстеру, что онъ изъ любопытства распечаталъ его; да и принесъ къ Городничему. . . . Впрочемъ, отъ такого человѣка, какъ вы, я ничего и не ожидалъ лучшаго. Давайте-ка мои денежки!

Хлестаковъ.

Сдѣлайте милость, потерпите еще нѣсколько дней.

Земленика.

Ни одной минуты. Слышишь-ли, негодяй? Отдавай мои деньги, или сейчасъ въ тюрьму. . . .

Хлестаковъ.

«Негодяй! въ тюрьму!» Какія слова! Развѣ вы не знаете, что благородные люди за такія слова рѣжутся, стрѣляются?

Земленика.

Ну, полно балагурить; деньги или въ тюрьму. . . .

Хлестаковъ.

Вы непремѣнно хотите.... (униженно) Но когда я васъ покорнѣйше прошу.... сдѣлать мнѣ милость, отсрочить хоть на недѣлю....

Земленика. (съ гнѣвомъ)

Я уже сказалъ что нѣтъ.... въ тюрьму, да и только!

Хлестаковъ.

Если такъ, то извольте. Заплачу вамъ ваши 300 рублей. — (Возвышая голосъ) Но прежде, раздѣлайтесь со мною за оскорбленіе, за слово: негодяй. Не угодно ли пострѣляться?

Земляника.

Точи лясы другимъ, кому хочешь, а не мнѣ. Попечитель Богоугодныхъ Заведеній не обязанъ умѣть стрѣлять.

Хлестаковъ.

Я васъ научу стрѣлять. — Гей, Осипъ, запри-ка эту дверь на ключъ.

ЯВЛЕНІЕ 8е.

Тѣже и Осипъ.

(Осипъ входитъ и запираетъ дверь)

Земляника.

Что вижу! вы хотите убить меня? Покушаетесь на смертоубійство?

Хлестаковъ.

Нисколько. Вы также имѣете право и меня убить; вы первый будете стрѣлять; даже нѣсколько разъ, если вамъ угодно. — Осипъ! вынь изъ моего чемодана пятиствольные пистолеты и заряди каждый стволъ тремя пулями.

Земляника (просительнымъ тономъ)

Помилуйте, Иванъ Александровичъ; сдѣлайте милость, извините мою горячность. Это, право,

у меня въ крови, я лѣчусь отъ этого. Оставьте мои триста рублей у себя, я прощаю вамъ ихъ.

Хлестаковъ.

Да я не прощаю вамъ оскорбленія. Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ вамъ поучиться у меня попадать въ тузъ. Чтожъ, Осипъ, готово ли?

Осипъ.

Готово́, сударь. Только пистолеты ваши зашиты въ чахлахъ.

Хлестаковъ.

Все равно, подавай какъ есть. Пуля и чахолъ пробьетъ.

(Осипъ подаетъ два пистолета въ чахлахъ)

Хлестаковъ.

Вотъ вамъ, Г. Земленика, одинъ пистолетъ; а мнѣ другой. Становитесь!

Земленика.

Сдѣлайте милость, пощадите, Иванъ Александровичъ! Будьте великодушны!

Хлестаковъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Оскорбленіе надобно омыть кровью. (прицѣливается въ Земленику)

Земленика. (становится на колѣна)

Я у ногъ вашихъ. Дѣлайте со мною что хотите.

Хлестаковъ.

А! трусъ! ты думаешь, я не понялъ, что тюрьмою ты хотѣлъ только испугать меня? А? Какъ бы повелъ ты меня въ тюрьму, безъ доказательствъ? — Вотъ я тебѣ и отплатилъ тѣмъ же. . . .

Земленика.

Виноватъ, виноватъ! дѣлайте со мною что хотите.

Хлестаковъ.

Ну! такъ и быть! встань и пиши сейчасъ, вотъ на этомъ столѣ, росписку заднимъ числомъ, что ты занялъ у меня двѣ тысячи рублей.

Земленика.

Я никогда не буду въ состояніи заплатить этихъ денегъ, Иванъ Александровичъ.

Хлестаковъ. (снова прицѣливаясь въ него)

А! ты еще отговариваешься?

Земленика.

Сейчасъ, сейчасъ. (Встаетъ, подходитъ къ столу и пишетъ)

Хлестаковъ.

Осипъ, отопри дверь.

Земленика. (дрожа)

Вотъ извольте росписку.

Хлестаковъ. (перемѣняя тонъ)

Ну, вотъ теперь мы опять приятели, Г. Земленика! (обращаясь къ слугѣ) Осипъ, вытолкай отсюда Г. Попечителя Богоугодныхъ Заведеній. (Осипъ выпровождаетъ Земленику)

ЯВЛЕНІЕ 9е.

Хлестаковъ и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ.

Поздравляю съ пріѣздомъ, Иванъ Александревичъ! Я здѣшній Почтмейстеръ Надворный Совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ.

А! прошу покорнѣйше садиться.

Почтмейстеръ.

Я къ вамъ за дѣломъ. . . .

Хлестаковъ.

За какимъ? . . . Говорите, говорите; я готовъ служить чѣмъ могу.

Почтмейстеръ.

Вы мнѣ должны сто рублей.

Хлестаковъ.

Знаю. Такъ чтоже?

Почтмейстеръ.

Извѣстно что: возвратить мнѣ эти деньги.

Хлестаковъ.

Очень желалъ бы; но не могу. Нѣтъ въ карманѣ ни копѣйки; а скоро, очень скоро заплачу.

Почтмейстеръ.

А я ждать не хочу. Ужъ не считаете ли вы это взяточкою? Я никому взятокъ давать не намѣренъ; а вамъ менѣе, чѣмъ кому либо; я вѣдь въ васъ не нуждаюсь. . . .

Хлестаковъ.

Во мнѣ, можетъ быть; но въ письмахъ моихъ, кажется, нужду имѣли.

Почтмейстеръ.

Какъ такъ?

Хлестаковъ.

Да; особенно въ письмѣ моемъ къ Г. Тряпичкину, которое вы осмѣлились распечатать и прочесть въ присутствіи всѣхъ здѣшнихъ чиновниковъ. . . .

Почтмейстеръ.

И въ которомъ вы всѣхъ насъ разругали.

Хлестаковъ.

Вы, кажется, это заслужили такимъ поступкомъ.

Почтмейстеръ.

Я заслужилъ! какое сужденіе, какая рысь у васъ, Иванъ Александровичъ? Не пора ли вамъ перестать насъ морочить, добрыхъ людей? Теперь дѣло идетъ не о заслугахъ моихъ, а о моихъ деньгахъ: отдайте мнѣ ихъ. . . .

Хлестаковъ.

Отдайте мнѣ мое письмо.

Почтмейстеръ.

Вотъ хватился! Станемъ мы беречь такой кладъ!

Хлестаковъ.

Такъ точно и я не берегъ вашихъ денегъ; промоталъ ихъ на вздоры.

Почтмейстеръ.

Какая дерзость! Это разбой, просто разбой! Отдайте мои сто рублей, повторяю вамъ, или извольте сейчасъ идти съ мною въ Судъ . . .

Хлестаковъ.

Отдайте мнѣ мое письмо, или я сейчасъ свяжу и поведу васъ къ Ревизору. . . .

Почтмейстеръ.

Что такое? вы съ ума сошли! вы смѣете стращать меня?

Хлестаковъ.

Ей ей! свяжу. Отдайте письмо, говорю, или просите прощенія.

Почтмейстеръ.

Ни того, ни другаго.

Хлестаковъ.

Ну, такъ не прогнѣвайтесь. Гей, Осипъ! Поищи веревку.

ЯВЛЕНІЕ 10е.

Тѣже и Осипъ (ищетъ веревку.)

Почтмейстеръ.

Ужъ не въ сумасшедшемъ ли я домѣ? Какъ! вязать меня?

Хлестаковъ.

Да, милостивый государь! Вы уголовный преступникъ; потому, что распечатываете письма, ввѣряемыя вамъ Правительствомъ; и я, какъ помощникъ Ревизора, обязанъ представить васъ Его Превосходительству.

Почтмейстеръ.

Ахъ! извините меня, Иванъ Александровичъ . . я не зналъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ помощникъ Ревизора. . . Простите мнѣ мою дерзость.

Хлестаковъ. (притворяется сердитымъ)

Нѣтъ, голубчикъ, теперь уже поздно . . .

Почтмейстеръ. (становится на колѣна)

Будьте великодушны; не погубите несчастнаго . . .

Хлестаковъ.

Мерзкой трусишка! встань и пиши сейчасъ росписку, что ты занялъ у меня 500 рублей.

Почтмейстеръ.

Помилуйте, Иванъ Александровичъ, гдѣ мнѣ взять такую сумму?

Хлестаковъ.

Мнѣ суммы твоей и не надобно. А мнѣ нужна росписка, которая бы оградила меня противъ твоихъ гнусныхъ навѣтовъ. — Сейчасъ за перо, или петлю на шею!

Почтмейстеръ.

Сейчасъ, сейчасъ. (садится къ столу и пишетъ)

Хлестаковъ.

(принимая росписку изъ рукъ Почтмейстера)

Осипъ, отопри дверь. (Почтмейстеръ, увидя что дверь отперта, опрометью убѣгаетъ; Осипъ выходитъ вслѣдъ за нимъ)

ЯВЛЕНІЕ 11е.

Хлестаковъ. (одинъ)

Какіе здѣсь чиновничишки! Вотъ, прошу

покорно служить съ такими уродами! Однако, хорошо же я напугалъ Земленику и Почтмейстера! Долго будутъ меня помнить! А если узнаетъ объ этомъ Г. Проводовъ; тогда мнѣ самому достанется. Э! что будетъ, то будетъ. Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ! Вотъ съ Городничимъ ожидаю я трагической сцены. Все семейство его вѣроятно остритъ на меня зубы; между тѣмъ какъ я, что называется, безъ вины виноватъ. Они сами приняли меня за ревизора. Я не просилъ ихъ объ этомъ. А если бралъ у нихъ деньги и сватался на Марьѣ Антоновнѣ, чтожъ! это дѣло житейское, которое не касается до службы. Деньги постараюсь я возвратить, а Марья Антоновна уже просватана за другаго; слѣдственно всѣ довольны. О чемъ же безпокоиться?

ЯВЛЕНІЕ 12е.

Хлестаковъ, Анна Андреевна (въ капотѣ и шляпкѣ).

Анна Андреевна.

Иванъ Александровичъ, какъ я рада васъ видѣть! (Хлестаковъ цѣлуетъ у ней руку) Я съ нетерпѣніемъ ожидала вашего пріѣзда и благо-

дарю васъ отъ всего сердца за то, что прямо къ намъ взъѣхали. Хотя вы много предъ нами виноваты (шутя грозитъ пальцомъ); ну да Богъ проститъ!

Хлестаковъ.

Не знаю, какъ выразить вамъ, сударыня, мою признательность за такой ласковой пріемъ.

Анна Андреевна.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, у насъ случились кое — какія перемѣны....

Хлестаковъ.

Знаю, все знаю, Анна Андреевна, и ни о чемъ не тужу; потому, что мнѣ осталась ваша благосклонность.....

Анна Андреевна.

Признаюсь: вы мнѣ съ перваго раза понравились. Я тогда же сказала мужу: вотъ любезный кавалеръ, видно что Петербургскій!

Хлестаковъ.

Да; наши Петербургскіе кавалеры какъ-то умѣютъ нравиться всѣмъ дамамъ.

Анна Андреевна.

Я надѣюсь, Иванъ Александровичъ, что вы проведете въ нашемъ домѣ все время пребыванія вашего въ этомъ городѣ и не откажетесь быть завтра на нашемъ балѣ.

Хлестаковъ.

За особенную честь почту.... и если смѣю заранѣе просить васъ на котильонъ....

Анна Андреевна.

Охотно, очень охотно. Я всегда любила танцовать съ хорошими кавалерами; и когда была по моложе, то славилась легкостію въ танцахъ.

Хлестаковъ.

Помилуйте, Анна Андреевна; неужели вы считаете себя старою?

Анна Андреевна.

Не старою; а все-таки старѣе Марьи Антоновны.

Хлестаковъ.

Вотъ, какъ мы разно судимъ! На мои глаза, вы въ тысячу разъ прелестнѣе вашей дочери.

Анна Андреевна. (съ самодовольствомъ)

Это комплиментъ.

Хлестаковъ.

Нисколько! Я терпѣть не могу этихъ дѣвушекъ, у которыхъ еще молоко на губахъ, которыя представляютъ намъ, такъ сказать, олицетворенную невинность. Въ нихъ нѣтъ этой очаровательной любезности, этой непринужденной ловкости, которыя отличаютъ замужнихъ женщинъ и приобрѣтаются опытностію.

Анна Андреевна.

Я совершенно вашего мнѣнія.

Хлестаковъ.

Въ такихъ милыхъ дамахъ, какъ вы, одно только несносно: мужья! Терпѣть не могу мужей. Виноватъ! . . . . вы можетъ-быть разсердитесь за такое смѣлое признаніе . . .

Анна Андреевна.

Нисколько, Иванъ Александровичъ. Помилуйте; напротивъ . . .

Хлестаковъ.

Странно, что я смладенчества питалъ къ

мужьямъ непреодолимую ненависть, истинную антипатію. — Какое это скверное отродье, мужья! Я увѣренъ, что они для самыхъ женъ своихъ несносны. Ревность, самоуправство, утомительное единообразіе — вотъ отличительныя качества мужей; между тѣмъ, какъ намъ, холостякамъ, всѣ радости, всѣ забавы открыты; веселись сколько душѣ угодно! — Повѣрите ли, Анна Андреевна? вы сами были бы сто разъ прелестнѣе и счастливѣе, если бы не имѣли супруга.

Анна Андреевна. (вздыхаетъ)

Ахъ! . . . ужъ не говорите! . . . Я и сама это думаю.

Хлестаковъ.

Не осуждаю Антона Антоновича. Онъ, конечно, прекрасный мужъ, честнѣйшій человѣкъ и еще молодецъ собою . . .

Анна Андреевна.

Ахъ нѣтъ, старъ, очень старъ мой Антонъ Антоновичъ . . .

Хлестаковъ.

Однако же онъ еще свѣжъ . . .

Анна Андреевна.

Старъ, очень старъ бѣдняжка . . . Иногда закашляется, хоть бѣги вонъ изъ комнаты.

Хлестаковъ.

За то, какъ любить васъ! — Да какъ же васъ и не любить? (цѣлуетъ у ней руку)

ЯВЛЕНІЕ 13е.

Тѣже и Городничій.

Городничій.

А! Иванъ Александровичъ! Добро пожаловать! Мы очень вамъ рады. Извините, что Марью Антоновну помолвили за другаго. Я, право, въ этомъ не виноватъ. Она сама захотѣла; а когда бабы чего хотятъ, тогда намъ приходится молчать, да и только.

Хлестаковъ.

Помилуйте, Антонъ Антоновичъ; я нисколько не обижаюсь . . . . Марья Антоновна очень хорошо сдѣлала, что послѣдовала влеченію своего сердца.

Городничій. (обращаясь къ женѣ)

Ну, Анна Андреевна, у насъ къ завтраш-

нему балу все готово: музыка, ужинъ, угощенія . . . Вотъ одинъ этотъ поганый купчишка Абдулинъ не принесъ ни вина, ни еще . . . . чего бишь? . . . . да я съ нимъ раздѣлаюсь. А теперь, покуда, пойдемъ съ тобою окончить кое-какія распоряженія. Иванъ Александровичъ извинитъ насъ.

Хлестаковъ.

Помилуйте; прошу васъ не церемониться. Я и самъ намѣренъ отдохнуть, если позволите. Я очень усталъ отъ дороги.

Городничій.

Не угодно ли вотъ въ эту комнату (показываетъ боковую дверь)? ту самую, въ которой вы прежде жили?

(Хлестаковъ отвѣчаетъ поклономъ; и хочетъ идти, но потомъ возвращается).

Хлестаковъ.

Да! . . . . позвольте у васъ спросить, Антонъ Антоновичъ, одну вещь по секрету. Гдѣ это письмо, которое перехватилъ и распечаталъ вашъ Почтмейстеръ?

Анна Андреевна.

(съ видомъ шутливаго упрека)

Въ которомъ вы такъ мастерски всѣхъ насъ отдѣлали . . . .

Хлестаковъ.

Я тогда еще васъ мало зналъ, Анна Андреевна.

Городничій.

Съ вашимъ письмомъ была большая исторія, Иванъ Александровичъ. Вчера, поздно вечеромъ, приходилъ ко мнѣ Секретарь Г. Проводова и взялъ это письмо какъ документъ. Я не могъ не отдать его . . .

Хлестаковъ.

Ахъ, какъ это жаль! . . .

Городничій.

Что же дѣлать! Я не виноватъ... Прощайте.

(Всѣ уходятъ въ разныя двери. Анна Андреевна значительно киваетъ головою Хлестакову, который отвѣчаетъ ей любовною пантомимою).

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

ДЕНЬ 3й.

Вечеръ.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ГОРОДНИЧАГО.

ЯВЛЕНІЕ 1е.

Рулевъ и Анна Андреевна
(въ богатомъ бальномъ нарядѣ).

Анна Андреевна.

Вы не повѣрите, Алексѣй Петровичъ, какъ я любопытна видѣть ревизора. Я ожидаю его такъ точно, какъ дѣти ожидаютъ игрушки. Скажите мнѣ, каковъ онъ?

Рулевъ.

Я нѣсколько лѣтъ уже не видалъ Г. Проводова; и потому ничего о немъ сказать не могу. Однако же помнится, что онъ не дуренъ собою.

Анна Андреевна.

Да что такое Ревизоръ? растолкуйте мнѣ, какое это слово? Что онъ, меньше или больше Барона или Фельдмаршала?

Рулевъ. (насмѣшливо)

Не знаю, право, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

Анна Андреевна.

По крайней мѣрѣ, такой-ли онъ человѣкъ, какъ мы всѣ, грѣшные?

Рулевъ. (насмѣшливо)

Не всѣ Ревизоры одинаковы. Есть такіе, у которыхъ одинъ глазъ меньше другаго и носъ поперегъ лица. . . .

Анна Андреевна.

Вы шутите! Да можетъ ли это быть? О! если Г. Проводовъ таковъ, то я не удержусь отъ смѣха.

Рулевъ.

Берегитесь, чтобы онъ не разгнѣвался. Онъ, говорятъ, пресердитый.

Анна Андреевна.

Какъ вы меня пугаете, Алексѣй Петровичъ!

Рулевъ.

Да кому же приятно, когда ему въ лицо смѣются! — Ну, если онъ самъ вздумаетъ надъ вами подтрунить? намѣкнетъ о Хлестаковѣ? гм! гм!

Анна Андреевна.

Можетъ-ли это быть? Онъ ничего незнаетъ....

Рулевъ.

Ошибаетесь! Ревизоры всевѣдущи. Подъѣдутъ стороною, да и вывѣдаютъ все, что на душѣ.

Анна Андреевна.

Ахъ, какъ это страшно!

Рулевъ.

И въ особенности дамскія дѣла. На это они молодцы! А вы; знаете что, Анна Андреевна? постарайтесь ему понравиться. Это будетъ ему приятно; а Хлестакова тѣмъ самымъ подразните. Естьли что забавнѣе, какъ дразнить любовника?

Анна Андреевна.

Да; я очень люблю дразнить.

Рулевъ.

Однако же, Анна Андреевна, вы не слишкомъ давайте себѣ волю; а то, пересолите; хуже будетъ. И Хлестаковъ, и Ревизоръ взбѣсятся, передерутся; чего добраго! А вы, вотъ такъ, осторожно: то одному, то другому мигнете; изрѣдка и мужу. Потомъ опять къ Проводову; а отъ него къ Хлестакову, и обратно. Пускай они оба гоняются за вами цѣлый вечеръ; а вы поперемѣнно, то съ однимъ, то съ другимъ; ни съ которымъ однако же рѣшительнаго ничего не предпринимайте. . . . по крайней мѣрѣ на этотъ вечеръ. За то на другой день, утромъ, оба молодца проснутся и скажутъ: экая хитрая баба Городничиха! провела насъ колпаковъ!

Анна Андреевна. (съ восхищеніемъ)

Премилый вечеръ будетъ!

Рулевъ.

Танцуйте много, до упаду. Но съ Хлестаковымъ только одинъ танецъ; не больше. То есть одинъ, да хорошій, какъ говорится, затяжной; напримѣръ: мазурку или котильонъ. А до того времени, пускай онъ томится цѣ-

лый вечеръ въ ожиданіи! Ревизоръ, само собою разумѣется, пройдетъ съ вами два, три польскихъ; будетъ любезить, волочиться; между тѣмъ вы, какъ будто нечаянно, сожмете ваши хорошенькіе пальчики. . . . Это будетъ ему приятно. Онъ пойметъ, тотчасъ пойметъ; Петербургскіе кавалеры страхъ какъ догадливы! увидите, что онъ будетъ вамъ отвѣчать тѣмъ же. А вы какъ будто не понимаете: никакъ не повторяйте этой уловки. Что въ первый разъ хорошо, то во второй покажется приторнымъ. . . . Испортите дѣло. . . . — Однако же. . . . (вынимаетъ часы) не пора ли вамъ въ залу? Я думаю гости уже съѣхались. А я здѣсь посижу; возьму книгу. Кстати, напишу письмо въ Петербургъ. Вы изрѣдка меня посѣщайте, присылайте Марью Антоновну. Да смотрите, не проговоритесь гостямъ обо мнѣ. . . .

Анна Андреевна.

За кого вы меня принимаете, Алексѣй Петровичъ! Надо быть дурой, чтобы разсказать такую вещь. . . . Ахъ, я и забыла вамъ сказать, что мы вамъ приготовили другую комнату; а въ этой нельзя вамъ оставаться;

здѣсь будутъ разливать чай. Вотъ пожалуйте сюда (показываетъ боковую дверь).

Рулевъ.

Хорошо, хорошо. Иду сейчасъ.... не забывайте же своей роли. Помните? Передъ ужиномъ за мною Марью Антоновну? . . .

(оба уходятъ въ разныя двери)

ЯВЛЕНІЕ 2е.

Балъ.

Задняя занавѣсь открывается и сцена представляетъ залу, наполненную гостями, въ числѣ коихъ: **Хлестаковъ**, **Смотритель Училищъ**, **жена его**, **Судья**, **Попечитель Богоугодныхъ Заведеній**, **Почтмейстеръ**, **Добчинскій**, **Бобчинскій**, **Уѣздный Лѣкарь**, **Частный Приставъ** и **Квартальные**. Всѣ одѣты по праздничному; нѣкоторые въ мундирахъ, другіе во фракахъ.

Городничій, *Анна Андреевна* и *Марья Антоновна* принимаютъ и угощаютъ гостей, стараясь одушевлять балъ.

Въ одномъ углу залы, въ дверяхъ, стоитъ толпа зрителей: слуги, лакеи, въ разныхъ странныхъ костюмахъ; въ томъ числѣ и *Осипъ* въ своемъ поношеномъ сюртукѣ.

Танцы слѣдуютъ одинъ за другимъ, извѣстнымъ порядкомъ, но въ каррикатурномъ видѣ.

Промежъ танцовъ подносятъ разныя угощенія.

Когда всѣ предположенные танцы кончились; тогда вбѣгаетъ *Мишка*, подходитъ къ Городничему и громко докладываетъ:

Мишка.

Секретарь отъ Его Превосходительства!

Городничій.

Ну! проси, проси скорѣе!

(Всѣ присутствующіе являютъ страхъ и любопытство.)

ЯВЛЕНІЕ 3е.

Тѣже и Секретарь.

Секретарь.

Господинъ Городничій! Его Превосходительство, Алексѣй Петровичъ Проводовъ, извиняется, что не можетъ воспользоваться вашимъ лестнымъ приглашеніемъ. Онъ очень болѣнъ; сего дня не вставалъ съ постели; искренно жалѣетъ, что лишенъ удовольствія поздравить васъ и Анну Андреевну и въ качествѣ посаженаго отца благословить жениха и невѣсту; онъ надѣется однако же, что отсутствіе его нисколько не помѣшаетъ празднику. Въ доказательство своего къ вамъ бла-

горасположенія, Его Превосходительство поручилъ мнѣ заступить его мѣсто въ церемоніи, и поднести невѣстѣ этотъ фермуаръ, а жениху часовую цѣпочку.

(подаетъ подарки, но Городничій не принимаетъ ихъ)

Городничій. (вытягиваясь)

Много благодаренъ за высокую милость Его Превосходительства; но подарковъ принять не смѣю.

Секретарь.

Его Превосходительство желаетъ, требуетъ, чтобы вы ихъ приняли . . .

Анна Андреевна.

Гораздо лучше было бы, если бы вмѣсто этихъ подарковъ, Г. Ревизоръ самъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ.

Секретарь.

Что же дѣлать! Онъ истинно жалѣетъ, что не можетъ исполнить сей пріятный долгъ. Но примите подарки . . .

Городничій. (оробѣвъ)

Не смѣю, Ваше Превосходительство; не смѣю . . .

Секретарь.

Впрочемъ, Антонъ Антоновичъ, это касается не до васъ, а собственно до жениха и невѣсты. Гдѣжъ они?

Анна Андреевна. (подводитъ Марью Антоновну, которая стыдливо приседаетъ)

Вотъ невѣста; а женихъ . . . (обращаясь къ дочери) Пойди же, Машенька, приведи сюда Алексѣя Петровича. (Марья Антоновна уходитъ)

Земляника. (Городничему въ полголоса)

Что же ты остолбѣнѣлъ, какъ истуканъ! Вели подать шампанскаго, поздравить жениха съ невѣстою. Видишь, что Секретарь этого ждетъ.

Городничій. (ободрясь)

И въ самомъ дѣлѣ, Мишка! Шампанскаго. (Нѣсколько слугъ подаютъ на подносахъ покалы съ Шампанскимъ. Гости берутъ по покалу и ожидаютъ появленія жениха)

ЯВЛЕНІЕ 4е.

(Марья Антоновна вводитъ *Алексѣя Петровича Проводова*, извѣстнаго подъ именемъ *Рулева*, который гордо входитъ и кланяется всему обществу. — Хлестаковъ, узнавъ его, являетъ изумленіе и выпускаетъ покалъ изъ рукъ).

Хлестаковъ.

Что вижу? Г. Проводовъ! (обращаясь къ нему и низко кланяясь) Ваше Превосходительство!

Городничій. (въ изумленіи)

Что слышу, Его Превосходительство!

Хлоповъ. (въ сторону)

Вотъ, что называется, изъ огня да въ полымя!

Лѣкарь. (въ сторону)

Я это угадалъ съ перваго взгляда, по физіогноміи.

Земленика. (въ сторону)

Пропали наши головушки!

Жена Хлопова. (въ сторону)

Какая партія для Маріи Антоновны!

Почтмейстеръ. (въ сторону)

А Городничій все-таки тесть Ревизору!

Анна Андреевна.

Какъ, Алексѣй Петровичъ, вы Ревизоръ?

Проводовъ.

Я, сударыня. — Теперъ видите, что не у всѣхъ ревизоровъ носъ поперегъ лица и одинъ глазъ меньше другаго. (Обращаясь къ присутствующимъ). Такъ, господа, я тотъ самый, которому поручено отъ вышшаго начальства возстановить въ здѣшнемъ городѣ порядокъ, низпровергнутый гнуснымъ злоупотребленіемъ власти. Благодаря счастливому случаю, мнѣ удалось сдѣлать то, что не удавалось еще никому: узнать все, не трогаясь съ мѣста. Не посѣтивъ ни одного Присутственнаго Мѣста, я изслѣдовалъ всѣ ваши козни, слышалъ своими ушами собственное ваше сознаніе и имѣлъ всѣ средства взвѣсить гнусность вашего поведенія. Вы заслужили примѣрное наказаніе; но къ счастію вашему, я люблю смягчать приговоръ законовъ, не ослабляя правосудія. Васъ слѣдовало бы всѣхъ отдать подъ судъ, безъ изъятія; но я ограничиваюсь однимъ Г. Земленикою, который, начальствуя надъ Богоугодными Зеведеніями, ежедневно гнѣвитъ Бога противузаконными поступками. — Васъ,

Г. Судья, Г. Смотритель Училищъ и Г. Почтмейстеръ, прошу завтра же подать прошенія объ отставкѣ. Съ вами, Г. Хлестаковъ, обязываюсь я раздѣлаться двоякимъ образомъ: какъ начальникъ вашъ по службѣ и какъ частный человѣкъ. Какъ начальникъ, скажу вамъ, что всѣ ваши проступки происходятъ отъ вѣтренности и безнравственности, и потому вамъ нужна строгая выправка. Ничто лучше выправить васъ не можетъ, какъ военная дисциплина; и я рѣшился, по первой же почтѣ, просить Министра объ опредѣленіи васъ Подпрапорщикомъ въ одинъ изъ дальнихъ армейскихъ полковъ.

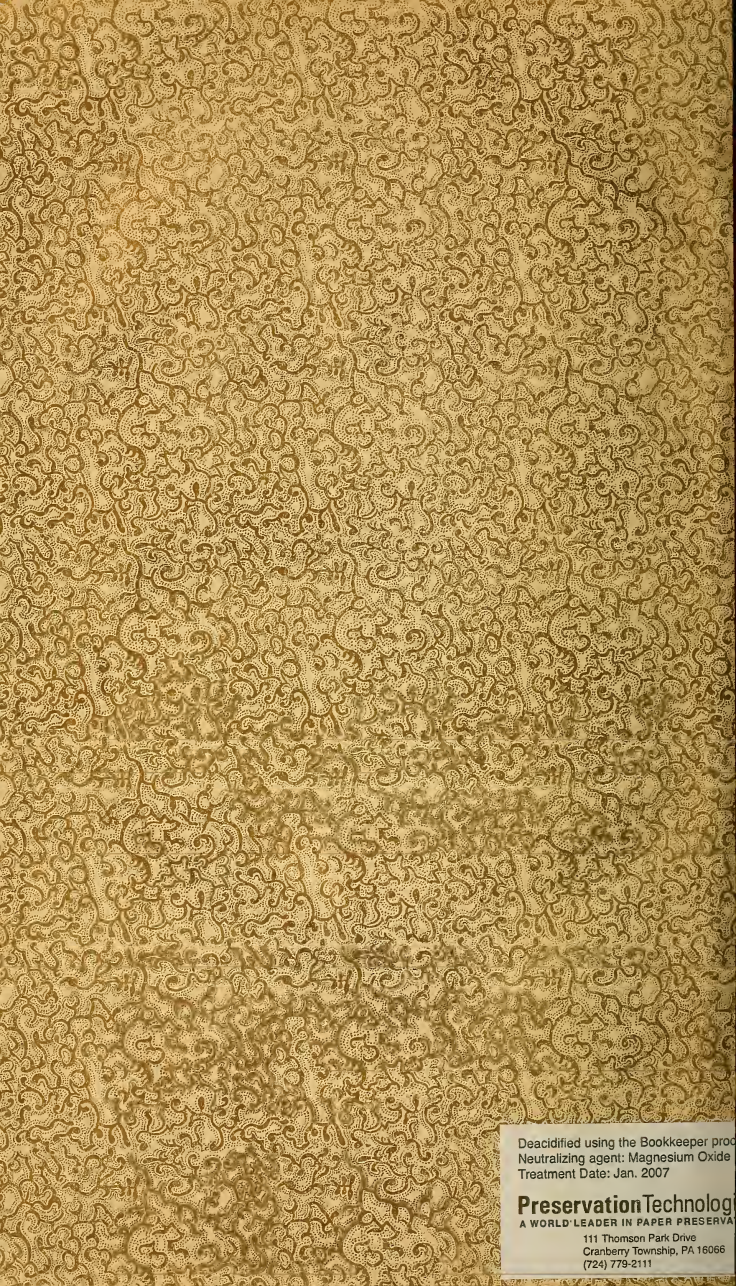
Какъ частный человѣкъ, я долженъ очистить статью моей помолвки съ Марьею Антоновною, бывшею вашею невѣстою. Это письмо ваше къ Г. Тряпичкину (вынимаетъ письмо изъ кармана), распечатанное Г. Почтмейстеромъ, въ которомъ вы сознаетесь, что матушка нравится вамъ больше дочери и что вы имѣли постыдную цѣль обольстить ту и другую, послужитъ доказательствомъ, что я не отнялъ у васъ невѣсты, а спасъ ее отъ стыда; и что вы сами отъ нея отказались. Впрочемъ,

мы знали и любили другъ друга гораздо прежде еще, нежели вы сюда пріѣхали.

Теперь ваша очередь, Г. Городничій. Какъ будущій зять, я обязанъ нѣсколько пощадить васъ. И потому, отрѣшаю васъ отъ настоящей должности, предоставляя вамъ вступить снова въ службу, но не прежде какъ чрезъ пять лѣтъ. Эти пять лѣтъ проведете вы съ Анною Андреевною въ моемъ имѣніи, въ Бессарабіи, въ глуши, гдѣ вамъ не съ кого будетъ взятки брать, а ей не съ кѣмъ кокетствовать. Дабы собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ вашемъ исправленіи, я поручаю вамъ завѣдывать этимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ я буду имѣть безпрерывное за вами наблюденіе. Приготовьтесь къ отъѣзду въ Бессарабію на другой день послѣ нашей свадьбы.

Въ заключеніе желаю, чтобы сыгранная мною теперь комедія служила продолженіемъ той, которая уже сочинена на счетъ Г. Хлестакова и которая такъ забавно ознакомила Петербургскую публику съ провинціяльными взяточниками и столичнымъ вертопрахомъ.

213



Deacidified using the Bookkeeper proc
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologi
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVA
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0002524491 6